

ИГОРЬ ГЛЕБОВ

СТАНЦИЯ ГЕРМЕС

Игорь Глебов
Станция «Гермес»

«Издательские решения»

Глебов И. Е.

Станция «Гермес» / И. Е. Глебов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935658-1

Оказавшись в эпицентре войны между средневековым братством и криминальной группировкой, герою придется пройти все круги ада на земле и под землей, чтобы разгадать темную тайну, погребенную под наслоением мистификаций.

ISBN 978-5-44-935658-1

© Глебов И. Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Дом у реки	6
Глава 2. Найти и уничтожить	14
Глава 3. Утро в деревне	22
Глава 4. Визит в библиотеку	29
Глава 5. Графиня и Богиня	32
Глава 6. Секрет Пылесоса	37
Глава 7. Наследник	45
Глава 8. Катран на Собачьем хуторе	54
Глава 9. Сектант	64
Глава 10. Тайна янтарной пластины	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Станция «Гермес»

Игорь Евгеньевич Глебов

© Игорь Евгеньевич Глебов, 2019

ISBN 978-5-4493-5658-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Дом у реки

Девушка была в дождевике с капюшоном и желтых резиновых сапогах.

Предусмотрительно с ее стороны, учитывая, что ливень бушевал всю ночь и стих только под утро, а небо до сих пор затянуто тучами без малейшего просвета.

В строгом смысле красавицей ее назвать было нельзя, но черты смугловатого лица показались Антону приятными, и особенно выделялись живые карие глаза с кошачьим разрезом.

Опыта разговорной практики с деревенскими девушками у Антона еще не было. Человек городской, до сих пор он встречал обитателей сел и деревень только на репродукциях картин художников-передвижников. Он конечно, понимал, что в компьютерный век сельские внешне не отличаются от жителей мегаполиса, но не мог отделаться от образа бородатого мужика в лаптях и с котомкой за спиной. Женщины, соответственно, должны быть сплошь в сарафанах и платочках.

Девушка в дождевике смотрела на него с подозрением, словно догадываясь об этих неподобающих мыслях, и Антон начал смущаться.

Он ожидал вопросов и рассчитывал отделаться легким, возможно, игривым объяснением в стиле – да вот я, городской житель, устал от городской суеты, прочитал объявление, решил поселиться в деревне, но девушка своим хмурым видом сразу пресекла всякие фrivольности.

– Это вы наш дом покупаете?

Антон растерялся.

– Не так чтобы сразу... Сначала хотелось посмотреть, прикинуть. А если понравится, то, может быть...

– Да понравится, чего уж там, – мрачно сказала хозяйка дома. – Место красивое, деревья растут, фрукты-овощи и все такое. Если надо, поедem в деревню, посмотрим.

Антон огляделся по сторонам. Типичная индивидуальная застройка, где за заборами и обильной зеленью едва виднеются крыши домов. Рядом беленая хата с ветхой черепичной крышей, за изгородью клюют траву подростшие цыплята. В канаве бултыхается жирный гусак, а вокруг озабоченно слоняются его менее удачливые сородичи.

– Это еще не деревня?

– Это – райцентр! – внушительно сказала девушка. – Город, значит. Тут супермаркет и рестораны есть. А нам в деревню Велесово, это километров двадцать отсюда.

– Поехали, – вздохнул Антон.

После бессонницы в голове было пусто и гулко. Вопреки расхожему мнению, что под дождем хорошо спится, Антон провел трудную ночь, скрючившись в водительском кресле и размышляя о том, до какой степени глупостью было сорваться сюда, за семьсот километров от большого города, в поисках сомнительного удовольствия жить в деревенской глуши. Тогда, сразу после развода, эта идея показалась Антону свежей и оригинальной, но сейчас, после ночи в автомобиле, когда каждый сустав ломил и трещал, его начали преследовать сомнения.

Хотя между колдобинами осталось немного асфальта, дорога годилась разве что для тяжелой техники на гусеничном ходу. «Девятку» штормило, бросая из одной ямы в другую, пока Антон не вырулил на относительно ровную грунтовку, где, однако, принялся наматывать на колеса мокрый глинозем. Попутно выяснилось, что девушку зовут Марина, она замужем за заместителем бригадира доильной станции, и сама работает оператором машинного доения в местном хозяйстве. Дом достался им как приданое, но приходится срочно продавать, потому что на лечение малолетнего сына нужны деньги. На его вопросы Марина отвечала скупко, часто отвечая невпопад, из чего Антон заключил, что интеллектom девушка не блещет, и характер сложный, но заместитель бригадира наверняка простил ей эти небольшие недостатки за хозяйственность и миловидность.

Своей собственной жене, теперь уже бывшей, Антон готов был простить и характер, который был непрост, и скудный интеллект, и внезапно открывшуюся мелочность заодно со склочностью, и даже тестя – военного пенсионера, одержимого идеей массовых расстрелов. Но в последний год ситуация обострилась из-за тещиных принципов. Теща считала, что муж ее дочери обязан иметь настоящую работу, желательно в банке или консорциуме с участием крупного капитала. Чем крупнее капитал, тем лучше. Антон же ненавидел всякую работу, где нужно здороваться с коллегами по утрам, поэтому последние годы работал в домашнем режиме, принимая заказы от удаленных клиентов. Это приносило хороший доход и сохраняло душевное спокойствие.

К сожалению, теща принципиально не верила в то, что можно зарабатывать дистанционно, а заодно считала всю компьютерную науку каким-то фокусом вроде телекинеза и путала программистов с экстрасенсами. Ради достойной цели, которая, как известно, оправдывает средства, Антон готов был работать хоть грузовым ослом на урановой шахте. Но жена с тещей, даже вместе взятые, на такую цель не тянули.

Когда брачный сезон подошел к концу и зазвучали казенные фразы «раздел имущества» и «заявление истицы приобщить к делу», на семейном собрании было решено, что нажитая совместно квартира отойдет к жене, как представителю слабого пола, а Антон, как представитель пола сильнейшего, удовлетворится «девяткой» с убитой подвеской и прогоревшим глушителем.

В тот день, когда нанятый тещей слесарь с профессиональной молчаливостью менял замки к дверям в квартиру, в которую Антону уже никогда не войти без судебного ордера, сам Антон сидел в водительском кресле – единственном предмете мебели, который ему достался после раздела имущества, штудируя рубрику «Недвижимость» в свежих газетах.

Стоимость аренды квартир в большом городе оказалась пугающей, но по мере удаления от центра цены успокаивались и приобретали осмысленность. В целях экономии Антон мог даже мигрировать на свою малую родину, в провинциальный город, где прошло его детство, а городская вселенная вращалась вокруг гудящего химзавода, окутанного плотным серым туманом. Возвращаться в туман не хотелось.

Выбор объявлений казался неисчерпаемым, но одно заставило его вздрогнуть. Выделенные черной траурной рамкой, слова были составлены искусным образом, чтобы удар пришелся прямо в сердце, минуя цепочку логических рассуждений. Для этой цели из всех знаков препинания был выбран один только жизнерадостный восклицательный знак, зато применять его разрешалось сколько душе угодно.

«Срочно продается!!
Участок в заповедной экологической зоне!!
Сорок соток земли!! Дом на берегу реки!
Фруктовый сад! Лес! Грибы! Деревня Велесово!
Всего за десять тысяч у.е!»

Дальше был адрес и телефон. Антон отложил газету и задумался. Восклицательные знаки сделали свое дело, и в сердце кольнуло. Он еще раз внимательно перечитал объявление. Деревню он помнил обрывками, лишь по редким наездам к родственникам в самом раннем детстве. В память врезалось изумление от перемены картинки, когда скучная на краски запыленная городская серость чудом менялась на блестящую влажную зелень, красноту спелых яблок и пугающую черноту омота, в прохладе которого так восхитительно барахтаться, оглашая реку воплями.

Сорок соток земли – это сколько будет, почти пол-гектара? Просыпаться утром от пения птиц, выйти во двор, умыться колодезной водой, а то сбегать на речку, нырнуть с размаху

в зеленую текучую гладь? Напоенный травами свежий деревенский воздух, парное молоко, грибы, рыбалка, свой собственный сад! И все это – всего за десять тысяч долларов?

Дело в том, что эти деньги у Антона были. В его личном автомобиле, в глубине перчаточного ящика, который несознательные водители называют бардачком, среди запасных предохранителей и квитанций за техосмотр валялся желтый треснувший футляр от старых тещиных очков. Вещь, на первый взгляд, бесполезная, но сама теща дала бы ошпарить себя кипятком, чтобы в него заглянуть. Во времена брачной жизни Антон откладывал туда понемногу от каждого заказа – по двести-триста долларов, иногда по пятьсот, в зависимости от настроения. Постепенно футляр распух и перестал закрываться, но зато там скопилось тысяч десять с небольшим. Этого как раз должно хватить на дом и еще останется на обзаведение хозяйством.

Это казалось чистым безумием. Конечно, в городе свои прелести и удобства. Но, с другой стороны, разве он не заслужил небольшой отпуск, так сказать, оздоровительный период, после пятилетней каторги? Купить дом, пожить год-другой в покое, умиротворении, в деревенской тиши, подумать о жизни. Тем более что работе это в принципе мешать не должно, а даже и наоборот.

Для работы Антону требовался только мощный ноутбук и мозги – и оба инструмента всегда были при нем. Нужно только выяснить, если ли там покрытие, и еще пару технических деталей. Антон раскрыл ноутбук, пощелкал по клавишам.

«Мелогорье – историческое название территории, находящейся по правому берегу реки Белой, где много миллионов лет назад волновалось древнее внутриконтинентальное море. Гряда меловых гор, покрытых уникальной растительностью, хвойными и широколиственными лесами, с богатым животным миром – лоси, кабаны, лисицы, барсуки, белки, куницы... Деревня Велесово расположена на правом берегу реки, у подножия гор, сложенных из отложений мела возрастом восемьдесят миллионов лет. Деревня известна сельскохозяйственным предприятием, на территории которого выращивается ряд уникальных высокоурожайных сортов сахарной свеклы, среди которых знаменитая свекла „белокровица“, а также кукуруза, рожь, сорго и т.п...»

Антон узнал, что ему предстоит преодолеть семьсот километров до районного центра – города Мелогорска. Если отправиться прямо сейчас, то к вечеру он доберется до райцентра, там проведет ночь, а с утра можно уже осмотреть дом и окрестности. Он внезапно ощутил зуд путешественника, который, очевидно, испытывал купец Афанасий Никитин и его друзья, отправляясь за три моря. Ужасно захотелось вдруг оказаться там, где миллионы лет назад бушевало древнее море и где сейчас бродят лоси, кабаны и куницы, а заодно произрастают высокоурожайные сорта свеклы.

Он купил запасные аккумуляторы для телефона и компьютера, кое-какой мелочевки, в супермаркете набросал в корзину всякой еды на дорогу. Через час он уже выбрался из городских пробок и мчался по левой полосе трассы в южном направлении, ухарски втоплевая в пол педаль акселератора. Автомобиль, закисший в постоянных пробежках от светофора к светофору, жрал километры словно даже и с удовольствием.

Километров через триста он подустал от гонки, свернул на обочину у маленького рынка, вышел размять ноги. Купил у бабульки яблочек, важно поинтересовался сортом. Оказалось, антоновка. Со скрытым удовольствием подумал – пора разбираться, у нас тоже, между прочим, сад скоро будет, свой. Сад ему уже мерещился. Грушу от яблони он вряд ли отличил бы, и представлялись ему однотипные кряжистые стволы, выстроенные по ранжиру, а ветки сплошь усыпаны всякими плодами – грушами, абрикосами, вишнями – сочными, вкусными, готовыми к употреблению. В общем, все как в Ашане, только без ценников и глупых табличек «Акционная цена!».

Когда до конечного пункта осталось километров сто, он сбавил темп – накрапывал дождь, дорога заметно испортилась. Мелогорск его встретил ливнем. Было около десяти часов вечера,

и только когда мощные струи забарабанили по крыше и видимость снизилась до нескольких метров, он понял, какую оплошность совершил. Нужно было позвонить продавцам заранее, сообщить о себе. Можно было договориться о ночлеге, например. Кроме того, кто знает, быть может, владельца дома сейчас вовсе нет в городе?

Город хлестало дождем, сквозь мутную пелену редко вспыхивали фары встречных автомобилей. При первой же возможности Антон свернул на стоянку около какого-то административного здания.

Где-то рядом прогрохотал грузовик, и на девятку обрушилась волна дождевой воды пополам с грязью. Яркая картинка деревенской жизни понемногу тускнела. К его удивлению, на вызов ответили почти мгновенно, и уверенный женский голос подтвердил, что дом продается, и продается срочно, и документы уже готовы, и утром хозяйка будет счастлива показать дом и участок дорогому клиенту.

* * *

Скоро грунтовка между полей закончилась, и впереди темной громадой встал лес. Дорога с размаху врезалась прямо в чашу, где было темно, как в туннеле. Пришлось включить фары. Промчавшись сквозь лес, автомобиль вновь выскочил на дорогу между полями, за которыми виднелись поросшие зеленью горы с белесыми верхушками, словно присыпанные пудрой. Над горами висело сереющее, с розовыми прожилками, как глыба мрамора, небо. Залюбовавшись, Антон едва не пропустил поворот.

Деревня возникла неожиданно, когда они поднялись на холм. Спичечные коробки домов были разбросаны по склонам, окруженные садами и огородами. Теперь дорога шла круто вниз, и коробочки выросли на глазах и превращались в настоящие дома, как видится пассажиру идущего на посадку самолета.

Проехали по главной улице, мимо сельсовета, мимо крашеной серебрянкой статуи – кого именно, Антон не разобрал. Марина показывала рукой – вот остановка, вот магазин. Дом на продажу находился в самом конце улицы Первомайской, где заканчивались электрические столбы, асфальт и прочие приметы цивилизации. В довершение всего, дом оказался под номером тринадцать. Суеверным Антон не был, но его смутило другое.

– Здесь что, тупик?

Марина пожала плечами.

– Просто деревня закончилась. Дальше пешком до речки минут пять.

Дом в тупике. Однако, не слишком жизнерадостная метафора. Хотя с другой стороны, это можно расценить иначе. Жить в удалении от шумных и грязных человеческих муравейников, слиться с природой – это, в какой-то степени, даже роскошь.

Он заглушил двигатель. Непривычная тишина резала ухо. Участок густо порос травой и лопухами, из-за которых едва был заметен редкий штакетник забора.

Он побаивался, что его ожидания будут обмануты. Или дом не приглянется, или, хуже того, подсунут ему какие-нибудь развалины, ветхую мазанку. Но когда дом неожиданно вырос перед ним, он застыл в молчании, не замечая вонзившиеся в него жала местных комаров.

С мощными стенами из желтого кирпича, с выступающей четырехскатной крышей, этот дом отличался от типичных строений, которые он видел на главной улице, обшитых вагонкой или отделанных штукатуркой «под шубу». Антон не разбирался в архитектуре, но для него было ясно с первого взгляда, что строение обладает собственным стилем. Особенно необычным ему показался высокий, поросший мхом цоколь, на полметра выступающий от стены и опоясывающий дом наподобие галереи. Подобно столетней секвойе, дом врос в землю корнями и закрепился тут на века, как могильный камень.

А между тем из травы восставали все новые полчища комаров, угрожающе гудящих, как вертолеты над джунглями. Следом за комарами из буйных трав откуда-то вынырнула бабушка в цветастом платке. Опершись на клюку, бабка с любопытством таращилась на Антона из-под толстых стекол очков.

– Это Матвеевна, она тут рядом живет, – сказала девушка. – Матвеевна, слышите, я вам соседа привела.

Он торопливо поздоровался.

– Ну, в добрый час, – закричала бабка, перекрестившись ладонью. – А то стоит дом, без хозяина, негоже это. Живите сто лет... А как молочка свежего захочется – так пожалуйста к нам. Каждый день коровку доим, Буренку нашу. И недорого возьмем...

– У Матвеевны этого добра полно, – согласилась его спутница. – Если попросите, она вам и даром нальет. Самогон, кстати, тоже есть, местные его из ботвы гонят. Только с ним осторожней, прошибает будь здоров.

Они прошли к деревянному крыльцу, обвитому хмелем. Здесь комариная стая испарилась, лишь пара самых отчаянных кровососов продолжали нарезать круги, угрожающе попискивая.

– А воздух тут прямо целебный! – напутствовала их соседка.

Непроизвольно Антон сделал глубокий вдох. Целебный или нет, но необычно свежий, с ароматными травяными нотками, местный воздух разительно отличался от той смеси азота с автомобильными выхлопами, которой люди дышат в городах.

Дверь выглядела под стать дому – массивная, из темных от времени досок, с архаической замочной накладкой в форме сердечка.

– Это же практически крепость! – вырвалось у него. – В таком доме можно осаду держать!

– Нет, не годится, – нахмурилась Марина. – Место открытое, менты окружают и все, туши свет.

Ага, а вот и он, незамысловатый сельский юмор. Девушка, видимо, хотела пошутить, но из-за неизбежной культурной дистанции между городом и деревней шутка пролетела мимо. Понемногу Антон начинал догадываться, что его представления о деревенских простушках сильно устарели.

– Ключей в доме нету, – продолжила Марина, толкая дверь ногой, – но это ничего. В деревне многие открытыми хаты держат. А если надо запереться, так внутри есть засов.

С порога они оказались в прихожей, которая вмещала шкафчик с кастрюлями и посудой, газовую плитку на две конфорки, оцинкованный тазик и другие предметы быта, включая велосипед без заднего колеса. Видимо, это помещение служило кухней, она же кладовая, она же постирочная и так далее. Весь этот хозблок отделялся от жилой части дома полиэтиленовой занавеской. В центре дома Антон обнаружил огромную кафельную печь, а вокруг печи хаотическим образом были размещены диван, письменный стол, бельевой шкаф, трюмо, сервант с парадной посудой, еще какие-то тумбочки и сундуки неизвестного назначения.

Было ощущение, что кто-то нечаянно раскидал разнообразные предметы мебели и не взял за труд расставить их так, чтобы было и красиво, и удобно пользоваться. И хотя каждый стул тут казался не на своем месте, за интерьером явно кто-то ухаживал. Все поверхности были протерты и избавлены от пыли, деревянный пол чист, на диване имелось опрятное покрывало.

Еще больше Антон удивился, когда заглянул в маленькую угловую комнатку с единственным окном, выходящим во двор. У окна – строгая железная кровать с никелированными спинками. В углу небольшой письменный стол и старинного вида этажерка с фарфоровыми фигурками – слоники и дети с голубями. В отличие от центрального помещения, в этой светлой крошечной комнатке царил порядок и некий гордый спартанский дух. Даже безделушки были выстроены по ранжиру, как солдатики.

Он только открыл рот, чтобы задать важный вопрос, но Марина его опередила:
– Удобства на улице.

Ах, ну да, о чем речь. Это же деревенский дом, какие тут могут быть удобства. К этому Антон был морально подготовлен.

Он прошелся по дому, прислушиваясь. Где-то он прочитал, что в хорошем доме полы не должны скрипеть. Полы не скрипели, хотя весу Антон был немаленького.

Теперь ему стало страшно. Наверное, в объявлении напутали с ценой. Такой дом мог стоить больше, гораздо больше. Как порядочный покупатель, он должен торговаться и сбивать цену, но тут ему просто не приходило в голову, к чему придаться. К туалету на улице?

– Участок будете смотреть? – спросила Марина.

В саду под деревьями гнили переспевшие сливы и абрикосы, а яблок было столько, что шагу нельзя было ступить, чтобы не хрустнуло под ногой. Вокруг этого фруктового рая гудела и звенела мошкара. После яблонь шли ряды малины, смородины, еще какие-то неопознанные кусты и ползучие растения. За садом был еще огород, поросший пыреем и ковылем.

Участок спускался вниз к оврагу, а сразу за оврагом поднималась меловая гора. Непонятно, как деревья могли расти прямо из мела, но тем не менее весь склон обильно порос лиственными и хвойными породами. С того места, где стоял Антон, открывался вид на лес и перекаты полей вдаль. Над вершиной торжественно плыли облака, придавая этому ландшафту возвышенный симфонический дух.

Антон молчал, и на несколько мгновений целебный воздух перестал поступать в легкие. Вот так вышел из дома и попал прямо в космос.

– Ну что?

– Нормально, – сказал он честно. – Вот только...

– Десять тысяч, – отрезала Марина. – И сбросить не можем. Это же видовой участок, его с руками заберут.

Антон поднял с земли яблоко – созревший, матовый от воска плод. Правда, лежалый бок слегка подпорчен. Задумавшись, он вытер его и откусил. Вкус был то, что надо – сладкий, с кислинкой, но без едкости.

– А как это делается, вообще? Домов я еще никогда не покупал, – признался он.

– Сейчас едем в райцентр, нотариус проведет сделку. Документы уже там. На проверке, – пояснила она.

* * *

Нотариальная контора помещалась на третьем этаже хрущевки. Обычно в таких помещениях клиента встречает офисный лоск, кожаный диван и прошлогодние выпуски журнала «Вестник налогового». В провинциальном Мелогорске, очевидно, такой роскоши позволить себе не могли.

На обитой дерматином двери висела табличка – частный нотариус такой-то. Обстановка скромная, если не сказать бедноватая. В полутемной комнате, под гудение старенького компьютера их встретила немолодая женщина в темных очках. Строго покашливая, нотариус принялась пояснять тонкости заключения сделки. Голос ее показался Антону странно знакомым, но он убедил себя, что дело тут не в голосе, а в похожих казенных формулировках, которых он вдоволь наслушался в недавнем бракоразводном процессе – все эти заумные «правоустанавливающие документы» и «содержание протокола разъяснено».

Антон не слишком вслушивался, поглощенный мыслями о том, что будет после. Когда он станет владельцем своего дома, сада, и конечно, великолепной меловой горы. Почему-то гора занимала в его воображении центральное место. Горы, реки, моря – это все вечное. Он заведет привычку вечерами сидеть в саду, курить трубку и смотреть на закат солнца, следить,

как седая вершина окрашивается в розовое. И нужно раздобыть гамак. Непременно достать. Какая деревенская жизнь без гамака?

Он подписал бумаги, которые подсунула ему очкастая тетка.

– Стоимость сделки оплачена? – строго проскрипела та, глядя из-под очков.

– Ах, да, конечно! – очнулся он.

На свет появился желтый треснувший футляр от очков. Отсчитав десять тысяч, он протянул их Марине. Было немного грустно оттого, что в тайном фонде осталось всего несколько зеленых бумажек, зато теперь у него появился дом. Собственный дом!

Марина считала деньги молниеносно, как заправский кассир, только пальцы мелькали. Жалко денег, но это же инвестиции, в конце концов! В голове засела газетная фраза: вложения в недвижимость считаются наиболее перспективными...

Они вышли на улицу вместе с Мариной. Как человека, только что совершившего выгодную сделку, его распырала радость и желание делать добро.

– Вас подбросить? – спросил он.

– Нет, мне тут рядом, – она загадочно на него посмотрела и даже, как ему показалось, улыбнулась, – в первый раз за то время, пока они были вместе.

Он сел в машину, и только когда тронулся с места, вдруг вспомнил, что ему потребуется бюро технической инвентаризации. То, что после сделки нужно оформить документы в БТИ, он усвоил четко, еще когда они с женой покупали квартиру. Правда, тогда делами занималась супруга, но кое-какие сведения задержались в памяти.

Он оглянулся – Марина как сквозь землю провалилась. Впрочем, не беда – любого можно спросить.

Здание БТИ оказалось на другом конце города. Он нашел нужный кабинет, занял очередь. Людей было немного, но очередь продвигалась медленно. Было время поразмыслить о том, что делать дальше. Фактически, он оказался в положении, которое описывается еще одним казенным термином – «без средств к существованию». Почти все средства, позволяющие ему существовать, поглотил видовой участок земли и старый дом. На этой волне он решил, что с гамаком лучше не спешить. Приоритет – дисциплина и строгий распорядок дня. Утром – омовение в воде. Днем – работа. Вечером – чтение и хозяйственные хлопоты.

Когда до него дошла очередь, он не сразу переключился. Сотрудница бюро, румяная девушка с классической русой косой и большими круглыми голубыми глазами, приняла у него документы и долго их рассматривала. Когда она, наконец, оторвалась от бумаг и подняла голову, то Антон обнаружил, что глаза у нее еще более увеличились и округлились.

– Мне нужно выйти, – сдавленно произнесла она. – Проконсультироваться.

– Пожалуйста, – рассеянно проговорил он. Но уже через минуту та вернулась, приведя с собой серьезную даму в брючном костюме.

– Пройдемте с нами, – строго пригласила дама.

Он непонимающе глянул, пожал плечами. Его привели в кабинет, где их встретил пожилой седоватый мужчина, с виду начальник. В руке он держал документы.

– Присаживайтесь, – буркнул он. – Откуда у вас эти бумаги, Антон, э-э... Вячеславович?

– Я купил дом с участком, – пояснил он, все еще не понимая, что случилось. Медленно, страшно, в него вползала тревога. – Это документы на дом, хочу зарегистрировать. Что не так? – Краем глаза он заметил, что дама в брючном костюме сверлит его убийственным взглядом. – В чем проблема-то?

– Дело в том, что никаких документов у вас нет, – сказал мужчина. – Непонятно? Эти бумажки можете на гвоздик в деревенский туалет повесить. Еще можно бутерброды заворачивать. Грубая, некачественная подделка.

У Антона поплыло перед глазами.

– Я только сейчас... нотариус... она же..

– Полиция разберется! – неожиданно гаркнула дама.

– Не пугайте человека, Лилия Викентьевна, – вступился мужчина. – Ему и так несладко придется. А полицию я уже вызвал. Сейчас подъедут из органов дознания, вот им все подробности и расскажете – откуда у нас в Мелогорске такие нотариусы и где их искать. – И, понизив голос, добавил сочувственно: – Как же тебя угораздило, парень? Они же тебя как пацана развели...

Глава 2. Найти и уничтожить

Сразу после этого он неожиданно оказался в полицейском сериале. Молчаливые люди с жесткими глазами сопровождали его по коридорам местной Петровки-38. Он подписывал какие-то заявления, отвечал на вопросы, безоговорочно делал все, что от него требовали, пока его водили из кабинета в кабинет, как медведя на ярмарке. Здесь он услышал много новых казенных выражений.

Фальшивые документы, которые Антону предлагалось повесить на гвоздик в туалете, теперь назывались вещдоками, а сам он – пострадавшим в деле хищения денежных средств путем обмана и злоупотребления доверием, включающим представление подложных документов и иных действий, создающих у названного лица ошибочное представление об основаниях перехода денежных средств во владение виновного и порождающих у него иллюзию законности передачи таковых денежных средств.

Эта юридическая галиматья действовала на его мозг отупляюще. Поэтому в особо тяжелых случаях Антон отключался, реагируя только на ключевые слова.

– Арест? – встрепенулся он. – Вы их арестовали?!

– Это имя такое – Орест, – пояснил ему его собеседник. – Я уже несколько раз пытаюсь вам представиться, а вы что-то совсем раскисли. Оперуполномоченный Орест Михайлович Решкин, по званию лейтенант. Буду заниматься вашим делом.

В нем затеплилась надежда.

– Понимаете, – заговорил он, придвинувшись к оперуполномоченному поближе, – произошла ужасная, чудовищная ошибка. Я не знаю, что это за документы, которые... не документы. Я получил их от нотариуса, понимаете? У меня телефон продавца есть, ее Марина зовут, ей позвонить надо, и все выяснится!..

– Все в порядке, оперативная работа уже ведется, – сказал лейтенант. – А вам, Антон Вячеславович, сейчас необходимо успокоиться и прийти в себя. Этим вы сэкономите себе нервы, а нам сэкономите время на раскрытие преступления.

Рассудительный тон оперуполномоченного произвел на Антона положительный эффект, по крайней мере, его перестало трясти.

– Но, делайте же что-нибудь!

– Делает, Антон Вячеславович, делаем! – откликнулся опер. – Как не делать! Ведь какое преступление удивительное! На моей памяти ничего подобного в деревне не случилось, одна мелочевка – то корова в выгребную яму свалится, то электрик спяну со столба упадет. А тут классический случай, словно из учебника, и выполнен с блеском!

– Вы как будто радуетесь, – угрюмо сказал Антон.

– Ни в коем случае! Чисто профессиональный интерес, – заверил его тот. – Мы тут, в провинции, не избалованы серьезными происшествиями. Всякой малости рады. Чтобы нюх не утратить, так сказать. Ну что, пришли в себя? Приступим к делу? Предупреждаю, действовать надо быстро, по горячим следам.

– Вы, главное, нотариуса поймайте, змею эту очкастую!

– К сожалению, по указанному вами адресу нотариусов не обнаружено. – Полицейский глянул в свои бумаги. – Квартира эта съемная, владелец утверждает, что сдал квартиру на месяц незнакомым лицам. В помещении пусто, нет таблички на дверях, компьютерная техника отсутствует, всякие следы деятельности и улики, включая отпечатки пальцев, тщательно уничтожены. А между тем, недвижимость, которую вы, по вашим словам, приобрели, принадлежит совершенно другому лицу. Чтобы ввести вас в заблуждение, преступники изготовили поддельные копии документов. Довольно топорные, надо сказать.

– Что же делать? – содрогнулся он.

– Трудиться, – ответил оперуполномоченный. – Проверим исходящие звонки, составим фотороботы, разошлем данные. Проверим сходные сюжеты по картотеке. Нам с вами работы предстоит много. Думайте, вспоминайте. От вас многое зависит. Любая незначительная деталь может пригодиться. И имейте в виду, что преступление стало возможным благодаря вашей беспечности. Так хоть теперь возьмите себя в руки!

– Это как? – у Антона отвисла челюсть. – Я-то в чем виноват?

Тот усмехнулся.

– В заявлении сказано, что вы по профессии программист. То есть человек образованный. По крайней мере знаете, какой кнопкой компьютер включать. Но как же так, Антон Вячеславович? Вас, взрослого человека, развели, как первоклашку. Даже паспорт продавца не удосужились посмотреть толком! Кто вам мешал изучить документы на дом? Провести независимый аудит недвижимости – слышали о таком? В нашем городе имеются опытные риэлторы, стоило только обратиться. Да могли бы опросить соседей, наконец... Если вам участок на Марсе продадут – к нам жаловаться прибежите?

Антон напрягся, перебирая события того злосчастного утра. И тут его осенило.

– Ну конечно! Соседка! Как ее... Матвеевна! Она может подтвердить!

Решкин покачал головой.

– Я читал ваши показания. Видите ли, я неплохо знаю Велесово. Могу поручиться, что женщин, проживающих в той части деревни и подходящих под ваше описание, не существует. Хотя сигнал проверим, конечно.

– Я ее видел собственными глазами!

– Не сомневаюсь, – кивнул оперуполномоченный и вздохнул: – Скорее всего, никакой Матвеевны в природе нет. Это персонаж из группы поддержки, подсадная утка. Например, такие работают в команде наперсточников, имитируют случайных игроков. И вот такая штука – в группе мошенников такого класса лишних людей нет. Это исключительно профессионалы. Подозреваю, что спектакль разыграли двое – одна мошенница играла роль хозяйки дома, другая была одновременно соседкой Матвеевны и нотариусом. Вы ничего подозрительного не заметили? Внешность, голос, манера поведения?

Антон ударил себя кулаком по лбу.

– Да! Да! Какой же я идиот... Мне же сразу показался знакомым ее голос! Матвеевна и нотариус – одно и то же лицо!

– Вот видите... – удовлетворенно сказал опер и сделал пометку в блокноте. – Что называется, два в одном, как в шампуне. Прекрасная квалификация у этого вашего нотариуса! Думаю, это облегчит розыскные мероприятия. Пока же я склоняюсь к версии, что главным мотивом преступления было поддержание воровского статуса.

– А это еще что значит?

– Видите ли, профессиональные преступники состоят в неформальном сообществе, или воровском братстве. Для таких людей преступление не просто возможность поживиться, но и некий акт престижа, подтверждение своего воровского статуса.

– Это как курсы повышения квалификации?

– Нечто в этом роде. Если я прав, это поможет нам сузить круг подозреваемых до воров высокой масти. Пока я предполагаю, что костяк преступной группы состоит из двух, максимум трех человек. Возможно, существует наводчик – сосед, знакомый хозяина дома, кто угодно. Схема преступления такова – наводчик поставляет сведения о доме, который долгое время стоит без присмотра. На время операции преступники снимают квартиру в неприметном месте, оснащают ее минимальными атрибутами нотариальной конторы – офисная мебель, компьютер, в этом роде. После того как декорации готовы, преступники дают приметное объявление в столичной газете и ждут лоха, который клюнет на приманку.

Антон поморщился.

– Ну хорошо, – согласился оперативник, – не лоха, а легковверного покупателя, который впервые оказался в городе и готов отдать денежки по первому требованию. Как только преступники убеждаются, что жертва им подходит, они немедленно атакуют. Как и минерам, ошибаться им нельзя, поэтому все они, как правило, превосходные актеры и психологи.

Антон заскрипел зубами.

– Скажите честно, – спросил он, – вы поймать их можете?

– Ловят, Антон Вячеславович, мышей. А преступников обнаруживают и обезвреживают.

– Нужно обнаружить, обезвредить и уничтожить!

– Зачем же так кровожадно?.. Вижу, вы отомстить хотите, – вздохнул опер. – Увы, ничего пообещать не могу. Но и расхолаживать вас не стану. Будем стараться. Кстати, очень хорошо, что вы на машине. У нас с транспортом напряженка, а поехать нам с вами придется...

* * *

Пытка продолжалась почти весь день. Стрелка на часах Антона приближалась к семи, когда лейтенант, наконец, подытожил:

– Ну что ж, теперь можете быть свободны. Будем заниматься оперативной работой уже без вашей помощи. Но адресок будьте добры оставить, где вас искать. Так уж полагается.

– Нет у меня адреса, – кисло сказал Антон. – Я теперь вроде бомжа.

– В таком случае могу определить в изолятор временного содержания, он же обезьянник, – весело предложил тот. – Кормят неплохо, пшенная каша, компот из сухофруктов.

Как ни странно, Антон вынужден был признаться, что этот человек стал ему симпатичен, несмотря на сомнительные местами шуточки. Не только потому, что возился с ним весь день – а ведь мог и отмахнуться, сказать, что дел невпроворот, спустить на тормозах. Было в Оресте Михайловиче Решкине нечто располагающее.

– А что случится, если я пока поживу в том доме?.. – предположил Антон. – Хотя бы до окончания следствия? Я же за него, в конце концов, деньги отдал.

– Незаконное проникновение в жилище и пребывание в нем без согласия ответственного лица карается... – скучно процитировал полицейский, но вдруг махнул рукой. – Да живите на здоровье. Но завтра с утра обязательно получите формальное разрешение кого-нибудь из членов сельсовета. Местные вам подскажут. Если будут задавать вопросы, можете сослаться на меня. И умоляю, ради всего святого, не покупайте больше домов.

– Не буду, – честно сказал Антон. – У меня и денег-то не осталось...

– Кто вас знает, – кашлянул тот. – Может, вы их в кредит решите брать. Кстати говоря, губа у вас не дура. Этот дом, между прочим, имеет историческую ценность. Уникальная постройка – единственное, что осталось от старой усадьбы графа Велесова, известного местного сахаропромышленника. До крепостной реформы ему принадлежало село Велесово со всеми жителями и множество земель вокруг. Местные до сих пор по старинке называют этот дом графским...

* * *

Покидая кабинет, Антон размышлял о словах оперуполномоченного. «Графский дом»? Когда он вышел из райотдела, со скамейки поднялась женская фигура. Начинало темнеть, и он не сразу ее узнал.

– Я вас решила подождать, – запинаясь, начала девушка. – Хотела поговорить. Только не знаю, удобно ли? Ой, извините, может вы меня не помните? Я Надежда.

– Вы у меня документы принимали, – хмуро сказал Антон. «И не приняли». Он, конечно, помнил ту девушку с русой косой и незабудковыми глазами, которая была свидетельницей его позора.

– Дело в том, что я хорошо знаю дом, где... все это произошло. Я сама из Велесово...

Антон открыл дверь машины.

– Могу вас подкинуть, я как раз туда собираюсь...

– Если нетрудно... А то последний автобус уже ушел, – придерживая юбку, она тихо, как мышка, проскользнула на пассажирское место. – Понимаете, я ведь с Феликсом в школе училась... Сразу после школы хотели пожениться, но потом умер его отец. Он выпивал очень сильно, и вот, пьяным ушел на реку и утонул. А пить он стал после того, как похоронили мать...

«В общем, все умерли». Антон хотел честно сказать, что он знать не знает, кто такой Феликс вместе с его мертвыми родственниками, но девушка пояснила:

– Феликс – это хозяин дома! Ну, этого дома, который...

Он замер.

– Графского дома? Так это его дом, получается?

– Дом принадлежал его семье, – сказала девушка. – Прадед и прабабка Феликса получили усадьбу в подарок на свадьбу от младшего сына самого графа. Кроме этого дома, от усадьбы ничего не осталось. Феликс родился в Велесово, учился в Мелогорске, а после смерти родителей получил дом в наследство.

– Подождите, а сам-то он где?

Девушка отвела глаза.

– Феликс пропал год назад.

* * *

Пока добирались, совсем стемнело. Когда перевалили через холм, деревня обозначилась лишь редкими огоньками. Похоже, в Велесово ложились спать рано и свет зря не жгли.

Он подъехал к злосчастной графской усадьбе и заглушил мотор, но девушка все продолжала говорить.

– ...когда ваши бумаги увидела, меня как током ударило! Сначала я решила, что Феликс вернулся, раз он продает дом, ведь по наследству он ему достался. Но когда рассмотрела бумаги получше, поняла, что происходит что-то неладное. В документах стоят совершенно другие имена и фамилии. А дом-то принадлежит Феликсу, и продать его невозможно.

– Если б знать, – кисло сказал Антон. – Но как мог человек пропасть без следа?

– В этом все и дело, – сказала Надежда. – Мне кажется, что ваш случай и пропажа Феликса связаны. После смерти отца он сильно переменился. Я думала, мы поженемся, но он и слышать не хотел о свадьбе. Твердил – сейчас не время. Я поступила в институт, защитила диплом, поступила на работу, а он так и жил один. Нигде не учился, не работал, стал нелюдимым, точно как его отец. Я надеялась, что он одумается, переменится, но время шло... и однажды он исчез. Он словно растворился в воздухе – ни записки, ни полслова, в доме все осталось по прежнему, только...

– А что вы от меня хотите? – немного раздраженно спросил Антон. – Я здесь вообще оказался случайно!

Она приблизила к нему лицо.

– Помогите мне найти Феликса.

– Э-э-э... Что?! В полицию обращаться не пробовали?

– В полиции его никто не ищет, и дело его закрыто, – сказала она. – Но он здесь, где-то рядом, я уверена.

– Если, как вы говорите, целый год прошел, то мог бы и появиться...

– Есть одна вещь, – она расстегнула сумочку и достала небольшой сверток. – Возьмите. Я думаю, это ключ ко всему, что здесь происходит.

Когда ее шаги стихли в темноте, Антон покрутил носом – в салоне остался запах дешевых духов. Включив фары, он медленно покатил к дому, шурша травой под днищем, и приткнулся к калитке.

Графский дом встретил его молчанием, которое в романах называется гробовым. Но прислушавшись, он различил тысячи разнообразных писков и шорохов. Скорее всего, вышли в ночную смену всякие мелкие существа, вроде жуков и кузнечиков, которым днем не давали покоя их хищные собратья.

Он вышел из машины и невольно вздрогнул. А что, если из-под земли вдруг вырастет Матвеевна, лирическая старушка с клюкой? И прокряхтит что-нибудь вроде: «Чегой-то запозднились, соседка, дай бог здоровычка. Заждалась уж вас, болезного»... Сразу ее по черепу? Бить долго, с наслаждением, а потом закопать на огороде? Или сначала все-таки допросить, выяснить подробности, а только потом по черепу? Связать и отвезти оперуполномоченному Оресту Решкину. В виде вещдока.

Никто не вышел его встречать. Наверняка жулики на огромной скорости мчатся подальше отсюда, захватив награбленное. И старая мошенница не выходила у него из головы. Было нечто беспокоящее, что ему не давало покоя. Что-то показалось ему странным при самой первой встрече, когда она изображала соседку Матвеевну. Что именно? Выглядела она страшновато, напоминая то ли колдунью, то ли ведунью, то ли еще какую бабу Ягу. Могло ли быть так, что мерзкая старуха в итоге его заколдовала?

Он отбросил глупые мысли прочь. Хватит мистики, нужно приходить в себя.

Не желая искушать судьбу, он поставил машину на сигнализацию, захватил с собой рюкзак и сверток, который передала Надежда. Интересно, что там такое. Сборник заклинаний духов села Велесово?

Войдя в темную прихожую, он еще раз выругал себя за беспечность. А что, если в доме нет электричества? Ему в голову не пришло тогда спрашивать об этом Марину. Которая, конечно, мерзавка, но и он идиот. Мог бы проверить самое элементарное – течет ли из крана вода, горит ли свет и прочее. Права народная мудрость, лох – это судьба. Ему не только продали чужой дом, но еще и дом без электричества.

Он нашел в рюкзаке фонарик. Где-то обязательно должен быть щиток с пробками. Луч света выхватил из темноты кусок стены и дощечку с гвоздями, выполняющую, очевидно, роль вешалки. На одном гвозде висели перевязанные веревочкой резиновые сапоги. Он успел стукнуться головой о шкафчик и опрокинуть батарею пустых бутылок, пока не обнаружил то, что искал.

На стене под занавеской была укреплена металлическая прямоугольная пластина, размером с шахматную доску. На пластине помещался большой старинный винтовой переключатель. Ниже располагалось несколько переключателей поменьше. Вид этих устройств был довольно архаический, словно из учебника по истории электричества.

Недолго думая, Антон наугад повернул большую ручку по часовой стрелке. Щелк – и прихожая осветилась скудным желтоватым светом. Загорелся даже фонарь над крыльцом. Теперь стало понятно, что те выключатели, что поменьше, отвечали за свет в остальных комнатах.

Да, ему продали чужой, но худо-бедно электрифицированный дом. Хотя этот электрический щиток напоминает страшный сон электрика. Похоже, проводку и выключатели так и не заменили с тех пор, когда старенький граф имел право пороть мужиков и баб на конюшне.

Закрутив все ручки по часовой стрелке, Антон с удовлетворением отметил, что свет зажегся во всех комнатах. Он прошелся по дому, разглядывая деревенский интерьер с любо-

пытством. Зато с водой проблем не оказалось – кран выдал стабильную рыжую струйку. Не Бахчисарайский фонтан, но, по крайней мере, от жажды не умрешь.

Под фонарем роились ночные мошки. Он присел на крыльцо и развернул сверток.

Внутри была книга. Даже не совсем книга, а брошюра – тонкая, с десяток-другой страниц, в ветхой бумажной обложке. Фронтиспис содержал странную эмблему – масть пик в перевернутом виде, так что хвостик находился вверху, а «сердце» внизу, причем «сердце» пронзал обвитый змеей прут, на вершине которого изображались крылья. Внизу эмблемы стояло два слова – «Beta Hermetis».

В желтом свете фонаря он прочитал:

«Достоверное суждение о находке Мелогорской Скрижали, поразительного свидетельства древнейших времен под редакцией проф. Археофагова в 1890 году отъ рожества Христова».

Заинтригованный, Антон пробежался глазами по желтым страничкам, с непривычки спотыкаясь об дореформенную орфографию с ятями и ерами.

«Берега реки Белой издревле служили пристанищем нашим предкам – вятичам, северянам, а до этого скифам, сарматам, аланам, половцам, а еще раньше – народам древнеямной и катакомбной культур. Древние легенды гласят, что на вершине самой высокой горы располагалось капище – языческий храм славянского бога Велеса, покровителя домашних животных и бога богатства. С тех времен эта гора прозывалась Велесовой, как и поселение, располагающееся рядом. По установлении христианства капище было истреблено, но горстка волхвов спаслась в древних меловых пещерах, что издавна существовали под горой. В последующие века подземные ходы служили укрытием для спасающихся от войн крестьян и беглых каторжников, а в дальних келиях и галереях находили приют благочестивые старцы и подвижники, удаляясь от мира в стяжании Божественной Благодати...»

На тыльную сторону ладони осторожно сел комар, потыкал жалом, прицеливаясь. Антон тут же его прихлопнул. Он уже знал, что со здешними комарами шутки плохи. Это не те вялые, нерешительные городские комарики. Кровососущие здесь водились особенного рода – крупные, наглые, с агрессивно-полосатыми брюшками. Укус такого монстра по мощности напоминает подкожную инъекцию. Но на хозяйской территории беспощадные насекомые странным образом понижали свою активность, словно между ними и обитателями дома имелся некий договор о ненападении.

Из дальнейшего чтения Антон выяснил, что у подножия меловой горы расположен вход в заброшенный подземный монастырь, в котором еще до революции проводились раскопки под руководством профессора Археофагова. Профессор утверждал, что в одной из келий монастыря обнаружена каменная плита, испещрённая письменами на языке, близком к древнеславянскому. Ученый лично скопировал письма и перевел на понятный язык. Собственно книжка представляла из себя краткий комментарий к тексту, где уважаемый профессор делал несколько смелых утверждений. Его версия состояла в том, что мелогорские письма – не что иное, как славянский памятник герметизму – оккультному учению, приписываемому мифической личности, полубогу-получеловеку Гермесу Трисмегисту.

После упоминания Гермеса Трисмегиста Антон решил, что читать дальше не имеет смысла. С литературой подобного рода он был знаком. Пыльные подшивки «Наставлений Ностердамуса» и «Советов колдуньи Анастасии», которые выписывала теща, веками скапливались на антресолях, грозя свалиться на голову. Но из любопытства он все-таки глянул, что там за оккультизм такой.

Профессор разделил и пронумеровал найденные надписи, исходя из собственных представлений об их внутренней логике, при этом в его изложении текст Мелогорской скрижали звучал столь же возвышенно, сколь и совершенно бессмысленно.

1. Сие есть Истина, сиречь противопологающая всякой Лже субстанция.
2. Есть Верхний мир, согреваемый Солнцем, и есть Нижний мир, согреваемый Камнем.
3. Верхний мир сотворил Зевс Титаноборец, поместив его между Солнцем и Луной.
4. Нижний мир сотворил Гермес Величайший, и поместив его между Землей и Водой.
5. Тот, кто поместил Камень в чрево Нижнего мира, надежно укрыл его Землей, и Луна свидетель этого.
6. Из Камня вырос Стебель, из Стебля излилась Белая Кровь и стала Жизнью.
7. Камень есть первый знак совершенства в Мире, что перетворяем в любую субстанцию. Если взять все субстанции Мира, то Камень есть все они вместе взятые, называемый Первоосновой, или Философским Камнем.
8. Камень содержит силу Солнца, а кто хранит Камень тот царствует в Мире вверху и Мире внизу.
9. Ключ к Нижнему миру в восьми именах: Гермес Величайший, Зевс Титаноборец, Аполлон Сребролукий, Посейдон Гиппий, Гера Волоокая, Афродита Пенорожденная, Персефона Подземная, Дионис Благосветный.
10. Нижний мир откроется посредством Камня, если на то будет воля Гермеса Величайшего.
11. Такова суть Нижнего мира, где Солнце и Луна подменяются сиянием Камня.

Тяжелый дидактический слог напоминал средневековые латинские трактаты. А в целом, очевидно, текст представляет собой бред сумасшедшего – камень, стебель, миры нижние и верхние... Хотя, как антикварная вещица, книжечка имеет, пожалуй, некоторую ценность. Кто-то жирно подчеркнул слова, принадлежащие к девятому пункту. Гермес, Зевс, Аполлон... Эллинские боги в славянском памятнике... э-э-э... герметизму? Но почему Надежда так уверена, что книга имеет какое-то отношение к происходящему?

Антон захлопнул книжку, и почти одновременно услышал, как в саду хрустнула ветка.

Наверное, собаки бродят. Обычные деревенские собаки. Он задумался, каким весом должно обладать животное, чтобы сломать валяющуюся на земле ветку.

Фонарь вычертил вокруг него светлый магический круг, за пределами которого стоял мрак. Он напряженно вслушивался.

– Есть тут ктонибудь?

Он встал и сделал несколько шагов в темноту, за пределы фонаря. Узкий ломтик луны не слишком-то помогал делу, поэтому приходилось передвигаться наощупь. Когда глаза привыкли к темноте, он различил силуэты деревьев. Осторожно передвигаясь между ними, держась руками за шершавые прохладные стволы, он прошел через сад. Под ногами чавкали полу-сгнившие фрукты. Один раз нога провалилась во что-то мягкое, и он еле удержал равновесие. Присмотревшись, он обнаружил квадратную яму, в которую легко мог провалиться теленок. Из ямы крепко пахло навозом. Ему еще повезло, что нога попала на краешек и не соскользнула вниз, а то мог бы и ногу сломать.

Силуэт горы вырос перед ним внезапно, черный и пугающий.

Он темных крон деревьев тянуло вечерним холодом. Антон стоял, задержав дыхание, чувствуя, что гора притягивает его к себе, как планета притягивает астероид.

Здесь никого не было. Он уже собирался возвращаться, когда услышал этот звук.

Жужжание доносилось откуда-то снизу, словно где-то глубоко в недрах гудели высоковольтные провода. Ему даже показалось, что почва под ногами завибрировала.

Где-то в животе зашевелился страх. Он стоял без движения, пока звук не исчез так же внезапно, как и начался.

Так, сказал он себе, вытирая холодный пот со лба. Это был тяжелый день, и его пора заканчивать.

Он вернулся в дом, улегся на кровать с металлической спинкой и забрался в спальный мешок. Усталость была такова, что Антон едва успел застегнуть молнию и вытянуть ноги, как все окружающие звуки исчезли и он провалился в сон.

Глава 3. Утро в деревне

Его разбудил не лучик солнца и не пение птиц, как ожидалось. Сначала где-то неподалеку протарахтел мотоцикл. Потом закукарекали петухи и замычали коровы. Потом звенели ведра, а может быть, звенело в ушах. В итоге он открыл глаза и с искренним удивлением уставился в незнакомый потолок, с которого свисала одинокая незнакомая лампочка без абажуров и прочих украшательств.

Он увидел ходики на стене, которые никуда не шли, этажерку с фарфоровыми статуэтками, и тут вспомнил все. Теперь понятно, что испытывают эти несчастные, которым имплантируют чужие воспоминания о путешествии на Марс. Это что, все со мной было?! Аферистка Марина, очкастая тетка-нотариус, полиция?

Он вышел во двор и, чтобы разогнать дурные мысли, проделал несколько упражнений на уменьшение живота. От лишнего веса, предательски накопившегося за последние годы, нужно было избавляться.

Во дворе качались высокие былинки, травы гнулись под тяжестью росы, а деревья приветливо обращали к нему мощные ветви. В целебном воздухе порхали бабочки и чирикали утренние птицы. В этот момент груз воспоминаний показался ему не таким уж ужасным. Подумаешь, обманули дурака на четыре кулака. Что из-за этого, умирать, что ли? Есть полиция, гарантирующая его права, там дедуктивный метод, дактилоскопия и анализ ДНК, дрессированные овчарки, в конце концов.

Тут на его глазах произошло невероятное – от низко стелящейся ветки отделилось яблоко и шлепнулось на траву. Едва успел плод коснуться земли, как Антон подбежал, жадно схватил его и съел, поражаясь сладости и спелости этого чуда, сотворенного природой.

Съеденное яблоко придало организму энергию, и он довольно бодро спустился с участка к длинному узкому оврагу, частично заполненному строительным и бытовым мусором, сквозь кучи которого упрямо прорастал кустарник, а также мелкие топольки и прочая неприхотливая растительная жизнь. Похоже, что эта часть рельефа служила местным чем-то вроде естественной свалки отходов. Сразу за оврагом начинался крутой подъем, постепенно переходящий в горный склон, который выглядел неприступным. Во всяком случае, не будучи профессиональным альпинистом, Антон вряд ли решился бы его штурмовать. Вдоль подножия горы шла удобная тропа. Двигаясь по ней и никуда не сворачивая, через несколько минут Антон вышел к местному пляжу. Это был вытоптаный пятачок с пожухлой травой в окружении деревьев и зарослей крапивы, страдающей гигантизмом. Неподалеку двое пацанов сосредоточенно возились с самодельным удилищем.

– Дядь, вы тут не ходите, – зыркнул один из них на Антона, очерчивая рукой широкий круг вокруг себя.

Пацаны были похожи, оба светловолосые и большеглазые, возможно, братья. Оба носили одинаковые длинные темные шорты – универсальный предмет одежды, который служил деревенской молодежи и штанами, и трусами, и плавками, в зависимости от ситуации. Рядом валялся старенький велосипед.

– Почему нельзя ходить? – спросил Антон.

Пацан окинул пришельца с ног до головы строгим взглядом, очевидно удивляясь, что в этом случае может быть непонятно.

– Я тут крючок уронил.

В темных водах реки художественно отражались кроны тополей, кленов и осин, растущих на противоположном берегу. Казалось, вода стоит без движения, как в пруду, и только присмотревшись, можно заметить, как несется по течению серебристый осиновый лист и бурлит вода, обтекая прибитый к берегу плавняк.

Антон стоял по щиколотку в прохладной воде, шевеля пальцами ног и оглядываясь вокруг с удивлением, прислушиваясь, как из прибрежной осоки недовольно поквакивают местные земноводные. Поразительно, как утопающее в ряске причудливой формы бревно похоже на крокодила. Еще удивительней, что такая красота существует. Что несмотря на все старания, вирус человеческой активности не добрался еще в эти места и все не испортил.

Окунувшись, он попытался добраться до дна, но с первого раза не получилось. В следующий раз он коснулся дна рукой, открыл глаза и несколько секунд обозревал зеленоватую муть. Потом испробовал все штуки, которые помнил с детства – кувыркался, делал сальто под водой, потом стойку ногами вверх и так далее. Наконец, устав от непривычных нагрузок, отряхиваясь и фыркая, поплыл к берегу.

На берегу его встретил молчаливо-осуждающий взгляд пацанов. Очевидно, он нарушил неписанные правила по соблюдению тишины во время рыбной ловли. Антон развел руками – ну извините, так получилось.

Он плюхнулся на траву и немедленно почувствовал интерес к себе со стороны множества крошечных существ, снабженных жалами, хоботками, жужжальцами и прочими органами, изобретенными для издевательства над голым мокрым человеком. Подлость была в том, что каверзные существа имели крылышки и легко смывались от возмездия, в то время как мокрый голый человек, как Прометей, был прикован к земле и вынужден молча терпеть пытку, отматываясь руками и ногами.

Сидеть на месте оказалось невозможно. Обмотавшись полотенцем, Антон подошел к пацанам. Со вчерашнего дня его не отпускала мысль, что странные звуки со стороны горы имеют под собой разумное объяснение. Чем быстрее он прояснит этот факт, тем лучше.

На его вопрос парни переглянулись.

– А, так это экскаватор небось тарыхтит, – пояснил тот, что постарше. – Там же старый меловой карьер. Кому надо, подгоняют самосвал и мел грузят.

– Мел грузят? – переспросил Антон. – Экскаватором?

Очень разумное объяснение, и замечательно простое.

Однако младший возразил:

– Нету там давно никакого карьера.

– Допустим, нету, – заспорил старший. – Но мела-то там навалом, бери не хочу. И экскаватор там видели.

– Видели, да ржавый он стоит, – упрямо сказал тот.

– Ладно, откуда тогда звук берется?

– Да Вындрик, ясное дело, – неохотно сказал младший и тихонько высморкался, используя для этого кусок лопуха.

– А, – протянул старший.

Наступило молчание.

Антон слегка обеспокоился.

– Подождите, это вы о чем сейчас? Вындрик – это кто?

Пацаны молчали, глядя каждый на свой поплавок. Наконец, тот что постарше, сказал нехотя:

– Слух такой, или байка. Старики говорят, под горой древний зверь живет. Как проголодается, жутко воет, так что земля трясется. В старые времена всей деревней его подкармливали, чтобы помалкивал. Да и сейчас его кормят, вроде.

– Чем кормят, человечиной? – заинтересовался Антон.

– Не, зачем? – удивился старший. – Он только свекольную ботву жрет. А у нас ее завалишь! Тридцать тонн с гектара... Ну, раз Вындрик воет, значит, опять проголодался...

Он пожал плечами.

Антон вздохнул. Древний зверь? Это еще что за бред? Версия про экскаватор ему сразу понравилась своей обескураживающей прямоотой. Разумеется, мел в хозяйстве пригодится, а тут целая меловая гора даром простаивает. Это же просто подарок местным жителям. Поздно вечером подгоняй трактор «Беларусь» и загружай мел хоть тоннами. Разумеется, это незаконно. Как минимум нарушение закона о недрах. Но в конечном счете, кому это вредит? Мела тут хоть залейся, весь правый берег реки представляет собой сплошные меловые скалы.

Антон попрощался с юными рыбаками, сделал шаг в сторону и вдруг подпрыгнул как ужаленный. Ощущение было, словно его укусил кто-то за пятку.

– А-а-а! – закричал он, скорее от удивления, чем от боли. Змея, что ли?

Младший из рыбаков удовлетворенно кивнул.

– О! Нашелся... Четкий крючок. – Он строго посмотрел на Антона. – Вы его, дядь, полегоныку вытаскивайте, чтобы не сломать. Он мне еще пригодится...

Шипя от боли, Антон попытался вытащить «четкий крючок», но это оказалось не просто. Острый кончик на полсантиметра погрузился в подошву. Все познается в сравнении, и летающие насекомые вдруг стали казаться Антону мелочью, не заслуживающей внимания.

– Что случилось? – услышал он знакомый голос.

Увидев Надежду, он не слишком удивился... Неожиданно было то, что вместо офисной блузки и юбки сегодня на ней были майка-топ на бретельках и джинсы, а вместо классической косы она собрала волосы в хвост.

– Ерунда, – застеснялся он. – Откуда вы узнали, где я?

– У нас не спрячешься... Косари видели, как вы к речке шли. Так что там у вас?

Быстро осмотрев ногу, девушка одним ловким движением вынула крючок и вернула его владельцу.

– Рану нужно обязательно промыть кипяченой водой и перевязать, – серьезно сказала она Антону. – Иначе натрете пятку, будет заражение!

Когда они вместе вернулись в «графский дом», девушка достала йод и бинты из шкафчика на стене.

Антон с детства тайно ненавидел и боялся больниц и докторов, но девушка так ловко и непосредственно приняла в нем участие, помогла вскипятить воду на газовой плитке, промыть и перевязать рану, что он даже не заметил, как все процедуры закончились и они неожиданно принялись пить чай с домашним печеньем, пакет которого как бы случайно оказался у Надежды в сумочке.

– А вы неплохо тут ориентируетесь, – подметил он.

– Ну, я здесь часто в гостях бываю, – пояснила она, покраснев. – После смерти матери женщин в доме не было. Отец Феликса дома практически не бывал, постоянно в командировках. Владимир Максимович был человек тяжелый, вспыльчивый... и сильно пьющий, так что без него в доме было спокойней. Хотя ко мне он относился как к родной. Я же и вправду их дальняя родственница. У нас даже фамилии одинаковые – я Велесова, они Велесовы. Владимир Максимович шутил, как удачно все сложилось, можно замуж выходить и паспорт не менять.

– Подождите, – заинтересовался Антон, – это что значит, вы с Феликсом родственники?

– Очень дальние. Моя мать – сестра жены его двоюродного племянника.

Антон озадачился.

– Это как интегральная сумма криволинейного интеграла второго рода?

Девушка сначала наморщила лоб, потом улыбнулась.

– Это вы так шутите? Просто тут полдеревни Велесовых, так или иначе все друг другу кем-то приходятся.

– То есть его отец был не против ваших, э-э-э... отношений?

– Вовсе нет. Против были мои родители. Точнее, моя мать, – поправила она. – Моему отцу было все равно. Они с матерью разведены, и вообще он нас бросил.

Она призналась:

– Дело в том, что Феликс странный. В деревне об этом судачили... Вот мать и не хотела, чтобы я вышла замуж за сумасшедшего... Но он вовсе не сумасшедший, не подумайте! Просто немного не в себе. Интеллект у него получше чем у многих! Ну, мог задуматься внезапно, вечно ему что-то мерещилось...

Антон задумался.

– Странный, говорите... А вам ничего в доме не казалось необычным? Ну, вот это все? – он обвел рукой обстановку.

Надежда покачала головой, отчего хвост ее тоже закачался.

– Вы имеете в виду беспорядок? У них в семье было так принято. А с тех пор, как погиб отец, Феликс запретил что-либо трогать. У него был пунктик насчет этого.

– Сам он жил в маленькой комнатке?

– Как вы догадались? – удивилась она.

– Это было нетрудно... А больше вас ничего не удивляет?

Девушка непонимающе смотрела на него.

Антон пояснил:

– В доме нет ни одного электрического прибора. Вообще. Нет ни телевизора, ни радио, ни даже торшера какого-нибудь заваливающего. Только лампочки свисают с потолка... Это что, так в деревне принято?

– Я бы не сказала, – осторожно проговорила она.

– Вот, хотел найти розетку, чтобы зарядить телефон, но бестолку. Розеток нет! Это просто склад бессмысленных вещей. Какие-то тапки, горшки, коробки с мусором. Велосипед без колеса, ржавый. Зачем он тут? При этом все аккуратно уложено и прибрано...

– Это я здесь прибираюсь, – призналась девушка. – Пока Феликса нет, я решила, что присмотрю за домом. Ну а что хорошего, если все пылью зарастет? В чем-то вы правы, конечно. Отец его никогда хозяйством не занимался. Вот за годы и накопился хлам.

– А почему в доме нет ни одной книги? Это нормально?

– Родители Феликса не любили читать... – извиняющимся тоном сказал она. – Да и сам Феликс книги не любил. Такое бывает.

– Хорошо, читать не любил... А эта книга, которую вы мне дали, откуда она взялась?

– В комнате Феликса, – быстро ответила она. – Теперь вы понимаете, почему я удивилась, когда увидела книгу у него на столе. Тем более такую необычную! Это же старинная, кажется, вещь... Понимаете, жизнь он вел беспорядочную, мог пропасть на несколько дней и никому не сказать. Были у него разные дела, он уезжал, приезжал... Ну это же его дело, он же взрослый, а я ему кто? Никто. Если я когда-нибудь и заходила, то разве на минутку. Просто узнать, как он. Потому что волновалась. Перекинулись парой слов, и все. Серьезных разговоров между нами не было. В тот день соседи сказали, что он неделю как не показывается. Я зашла в дом, убедилась, что все вещи на месте. Смотрю, на письменном столе книга. Развернута на последней странице, где вот эти слова, подчеркнутые.

Девушка слегка наклонилась к нему.

– Я думаю, – запинаясь, сказала она, – что в этой книге слова подчеркнуты специально.

– Специально для чего?

– Может быть, Феликс хотел что-то сказать... перед тем, как исчезнуть.

Антон вздохнул.

Не хотелось разочаровывать девушку, но и оставлять ее в заблуждении тоже неправильно.

– Знаете, если бы я собирался исчезнуть, то такой ерундой не занимался. Позвонил бы по телефону. Эсмэску отправил бы... электронной почтой, вконтакте. Ну, тысяча способов есть...

– А если нет телефона, нет ничего... – нахмурилась она. – То что тогда?

- Записку бы написал, что ли.
- А если открыто писать нельзя? – настаивала она. – Если нужно тайно?
- Если нужно тайно, то... – он задумался. – Ну, не знаю. Вы всерьез думаете, что эта книга – зашифрованное послание, что ли?
- А почему нет? – вскинулась она. – А что, если эти имена богов что-то обозначают? Антон с сомнением на нее посмотрел.
- Вы с греческой мифологией знакомы?
- В рамках школьной программы, – призналась она. – Зевс, Гера, Аполлон...
- А про славянскую мифологию что-нибудь знаете?
- Она наморщила лоб.
- Кажется, был Перун, потом Велес, Мокошь...
- Ну вот. По словам автора, надпись имеет славянское происхождение. Почему тогда перечисленные боги принадлежат к древнегреческому пантеону? Хотя допустим, мифология была всеобщей. Но причем тут Гермес Трисмегист? Он же вообще алхимик. Алхимия из средневековья, а Зевс с Гермесом из античности. Это с исторической точки зрения – бред, словно как заставить Петра Первого сражаться на Куликовом поле.
- Если Феликс оставил мне эту книгу, то она что-то значит, – упрямо сказала она.
- Откуда вообще известно, что книгу оставил Феликс? – разозлился он. – Да ее кто угодно мог оставить, у вас же двери открыты, заходи кто хочешь!
- Она подняла голову, и в глазах у нее блеснул огонек.
- Потому что он не мог исчезнуть, не сказав мне ни слова.

* * *

- Антон уже был знаком с прихотливыми изгибами женской логики и по опыту знал, что спорить тут бесполезно. Тут он вспомнил про разговор у реки с юными рыбаками.
- Выдрик? – переспросила Надежда. За то краткое время их знакомства это был первый раз, когда на ее губах появилась тень улыбки.
 - Честное слово, я ничего не придумал. Я только спросил у ребят, что это за странные звуки откуда-то из-под горы.
 - Это деревенская сказка, – пояснила Надежда. – Страшилка. Местные бабушки знают целую кучу таких страшилок, а дети так обожают, и пересказывают друг другу. Там и Выдрик есть, и черная рука, и гроб на колесиках, и много чего. Взрослые в эти глупости не верят.
 - Тогда как взрослые объясняют эти звуки? Напоминает какое-то жужжание, словно гудит пчелиный улей.
 - Надежда прищурившись, посмотрела в окно, словно высматривая там кого-то.
 - Вам это как, из любопытства или всерьез интересуетесь?
 - Ну, не знаю. У меня, честно говоря, мурашки по телу забегали табунами, когда я такое на ночь глядя услышал.
 - Она обернулась и взглянула ему в глаза.
 - Вы знаете, что под горой есть меловые карстовые пещеры? Говорят, в древности там жили волхвы. Те самые, что поклонялись Перуну и Велесу. Потом пришло христианство, и жителями подземелья стали отшельники, святые старцы. В то время старые люди уходили туда доживать.
 - Доживать – это что значит?
 - Проводить время в молитвах, – пояснила Надежда. – Очиститься от земных грехов. В общем, подготовиться к смерти.
 - А что, дома нельзя было подготовиться?
 - Нельзя, – строго сказала она. – Так говорят – от бесов дальше, к богу ближе.

Антон подумал, что все наоборот, ведь бог живет, как считается, на небесах. Если хочешь быть ближе к богу, нужно забираться вверх, а не спускаться вниз.

– Это место, – продолжала девушка, – называется Мелогорский скит, или подземный монастырь. После революции скит пришел в запустение, но сами пещеры сохранились до наших дней. Сейчас это десятки келий, сотни метров подземных ходов и галерей на разных уровнях.

– Все это внутри горы? – не поверил он. – Тут же сколько работы для археологов!

– Раскопки проводились еще при царе, – она посмотрела на Антона. – Вы же сами читали о том, как была найдена Мелогорская скрижаль. Сейчас подземельем никто не интересуется, особенно официальные органы. Это хлопотно, да и что там можно найти? Монахи жили скромно, ценностей не имели. Кроме того, копать там опасно, могут случиться обвалы. В общем, если не считать диких туристов, сейчас это место заброшено. Но иногда, особенно по ночам, местные жители слышат странные звуки...

– Ага!

– Эти звуки, – пояснила она, – издают потоки воздуха, которые проходят через разломы, что ведут из подземелья на поверхность. Таких трещин сохранилось много, в них живет всякая живность, местная фауна вроде лисиц и ежей. Короче говоря, – подытожила она, – это просто ветер воеет, хотя звук довольно пугающий. В библиотеке есть литература по этому вопросу, можете взять и почитать.

– В какой библиотеке?

– В нашей, деревенской. Хорошая, кстати, библиотека. Она, конечно, небольшая, но там много редких книг, которых даже в Мелогорске не найдешь. Кстати, – понизила она голос. – Если вы собираетесь у нас пожить, вам нужно сначала сходить в библиотеку.

– Это что, обязательно? – насторожился он. – Или это ритуал такой?

– Нет, просто заведующая библиотекой Зинаида Михайловна – член сельсовета.

– А-а! – догадался он, припомнив совет оперуполномоченного Решкина. – Никогда бы не подумал, что в деревне нужно регистрироваться. Это что, режимный объект?

Он хорохорился, но на самом деле немного струхнул – а если сельсовет заупрямится и откажет ему в проживании, то куда деваться? В пещеру что ли, подобно древним старцам?

– Не волнуйтесь, – словно угадав его мысли, заверила его Надежда. – Это вообще не обязательно, но... желательно. Для порядка. Но есть несколько тонкостей...

* * *

Они спускались с пригорка по разбитому асфальту, сквозь трещины в котором лез бурьян. Мимо, скрипя ржавой цепью, со снопом скошенной травы на багажнике медленно прокатил дедок на велосипеде. Надежда вежливо поздоровалась, и дед кивнул, сощурился на Антона.

– В деревне здороваться нужно со всеми, – предупредила девушка.

– Даже если человек незнакомый?

– Особенно, если незнакомый, – твердо сказала она. – Теперь запомните, что и как говорить. Первое, что вам нужно знать – в пяти километрах отсюда село Водяное, там живут сектанты.

– Кто-кто?

Она сдвинула брови.

– Просто странные люди, живут в общине, и верования у них чудные. Может и вреда от них нет, но в деревне к ним плохо относятся, поэтому так сразу и скажите – к сектантам отношения не имею, и точка.

Антон пожал плечами.

– Дальше, – решительно продолжила она. – Честно говоря, вид у вас подозрительный и можно подумать, что вы турист. Никогда не признавайтесь, что вы турист.

– Но я вовсе не турист... Они-то чем вам помешали?!

Она вздохнула.

– Приезжают, ставят палатки на берегу, и там происходит всякое. Там женщины. Играют на гитарах, поют песни. Не дай бог, Зинаида Михайловна заподозрит, что вы из этих.

– Что же делать?!

– Можно сказать, что вы дачник, – подумала она вслух. – Хотя дачников тоже не любят.

– Поют? Играют на гитаре? – предположил он.

– Хуже, – произнесла она, и твердо сжала губы. – Есть такие, что напиваются, купаются голыми, а потом бегают по деревне. Позорят нас, в общем. Хотя есть и нормальные дачники, приличные. Копают огород, некоторые даже держат корову, гусей...

– Мне что, придется корову заводить?!

Надежда помолчала, очевидно, переваривая эту мысль.

– Нет, – наконец, сказала она. – Вы даже не представляете, сколько стоит корова и сколько с ней хлопот. Мы поступим по-другому. Нужно просто рассказать правду.

Глава 4. Визит в библиотеку

Все жизненно важные точки в Велесово были расположены вокруг автобусной остановки, где ожидали ближайшего рейса несколько теток с баулами. Сельсовет, пара магазинов, летнее кафе, и еще непонятный ларек, от которого шел специфический запах.

– Керосиновая лавка, – прочитал вывеску Антон. – Я думал, они остались в прошлом веке... Кому сейчас нужен керосин? Для керосиновой лампы, что ли?

– А самолеты? – возразила Надежда. – Они же летают на керосине!

Он не нашелся, что ответить на этот довод. И вправду, если в деревню случайно залетит какой-нибудь белоснежный лайнер, ему всегда будет, где заправиться.

Дорожка перед входом в библиотеку оказалась чисто выметена, а вокруг устроен цветник, заботливо огражденный белеными половинками кирпича. Антон подозревал, что библиотеки сейчас вышли из моды и подрастеряли былую славу, но, как любому читающему человеку, ему было отрадно видеть, что очаг культуры поддерживается в рабочем состоянии.

Надежда повернулась к нему:

– Лучше, если говорить буду я. Но если спросят, отвечайте кратко, без подробностей. О подробностях я позабочусь.

В библиотеке, как и полагается уважаемому хранилищу знаний, было тихо. Единственное, что смутило Антона, так это неожиданные здесь запахи сдобы, солений, копченых колбас и прочей вкусной и здоровой пищи. Дразнящие ароматы бродили между книжными стеллажами и стойками «Книжные новинки» и «Библиотечка родного края», нехотая напоминать о том, что вот уже вторые сутки в его желудок не попадало ничего существенней печенья и колы.

Отдельный стол был уставлен кастрюлками и судочками с разнообразной снедью. Высилась горкой сваренная в мундире растрескавшаяся картошка. Свернутая кольцами, румянилась толстая домашняя колбаса. Пронзительный острый дух шел от миски с соленьями, где среди пупырчатых огурцов и сочащихся соком помидоров желтели дольки чеснока и горели огнем стручки красного перца.

С портрета на стене чернокудрый Гоголь иронически поглядывал на это деревенское изобилие, мило улыбаясь улыбкой Джоконды. Лев Толстой с раздвоенной бородой выглядел потрясенным, словно говоря – ну вы и нашли где жрать! И только писатель Чехов казался бесстрастным, высокомерно поблескивая стеклышком пенсне.

За столом расположилась крупная женщина, в лице которой было что-то бульдожье. Женщина меланхолично поедала холодец, доставая его ложкой из банки. На голове у библиотечарши высилась шиньон необычной формы и размера, напоминающий свернувшуюся в позу лотоса гигантскую вухоль.

– Сама, значит, пришла, – мрачно произнесла вухоль.

– Ага, Зинаида Михайловна, – отозвалась Надежда. В голосе ее зазвучали подобострастные нотки.

– Вот и славно. Выводы, значит, сделала.

– Сделала, Зинаида Михайловна, – покорно сказала та.

– А ты мне перечила, – библиотечарша торжествующе погрозила ложкой. – А я говорила, что тонкое растягивается и не рвется. А укуса там не слышно!

– Вовсе не слышно.

– То-то же. Главное, основу намазала кислым?

– Ага. Получилось, как вы сказали.

Антон вертел головой, переводя взгляд с одной участницы разговора на другую, безуспешно пытаясь вникнуть в смысл. Это напоминало зашифрованный диалог между придвор-

ной фрейлиной и особой королевского звания о династических секретах, которые простым смертным знать не полагалось.

– Вот оно как. Тетка Зинка права оказалась, – удовлетворенно сказала женщина. Лицо ее разгладилось и подобрело на глазах. – Это что за кавалер с тобой?

– Это Антон, покупатель дома, где Феликс с отцом жили.

– Графского дома? – она прищурилась. – Слышала-слышала. Ай-яй-яй, что творится.

Выхухоль на голове у библиотекарши сочувственно закачался.

– Ну он бы хоть с соседями поговорил, прежде чем деньги за дом выбрасывать.

– Он не догадался, голову ему задурили, это же мошенники.

– Деньги-то, поди, все пропали?

– Полиция ищет.

– Ну, эти найдут. Щас. Много денег-то? – как бы невзначай спросила тетка.

– Много, Зинаида Михайловна. Все сбережения пропали, все что трудом накоплено.

Пока шли эти интригующие переговоры, Антон узнал некоторые подробности из своей жизни, о которых он не догадывался, но которые, тем не менее, выставляли его в положительном свете. Он стоял как истукан, не пытаясь принимать участие, а только изредка кивая для убедительности. Теперь он начал смутно догадываться, почему Надежда попросила предоставить ей вести разговор.

– Пусть кавалер не стоит столбом, а возьмет пирожок, – смягчилась тетка.

– Берите, – прошептала Надежда. Антон поблагодарил и взял пирожок.

– Жить-то есть где? – поинтересовалась библиотекарша.

– Пока в графском доме поживет.

– В чужом-то доме?

– Полиция разрешила на время следствия, все равно ведь стоит пустой.

– Хорошенькое дело, – удивилась та. – Разрешили. Да кто они такие?

Тяжелый оценивающий взгляд прошелся по Антону сверху вниз.

– Ладно, – она вздохнула. – Живи пока. Считаю, что я добро дала. Только учти, тут тебе не город. У нас в деревне жизнь особенная. Тут каждый на виду, как в бане.

Антон осторожно кивнул, показывая, что урок усвоен.

– С кем попало не водись, – предупредила библиотекарша. – На пляже много болтаются дачников, тунеядцев, пьянчуг всяких. Сначала в шахматы играют, потом в карты, потом проигравший за самогоном бежит. Дорожка это скользкая. Не успеешь оглянуться, а они уже голые по деревне скачут.

– Не может быть... – пробормотал он. – Я-то надеялся, что здесь, в деревне, э-э-э... место образцовой культуры и быта.

– Напрасно надеялся. У нас хоть и деревня, но хулиганья хватает. Всякой твари по паре – и алкоголики, и туристы, и уголовники всех мастей. На хуторах картежные дома устроены, туда местная шпана стекается со всего района.

– Я слышал, тут и сектанты есть...

– Есть, – оживилась тетка, – есть такие отщепенцы рода человеческого. Сектанты языческого вида. У них тут целое змеиное гнездо. Неподалеку через лес стоит заброшенный хуторок, а там стойбище. В поле истуканы торчат, девки с мужиками пляшут и поют дурными голосами, и вой стоит на весь колхоз. Тебе к ним не нужно. Будут уговаривать – не соглашайся. Лучше уж голым по деревне.

Антон начал смутно догадываться, что бег в голом виде по деревне для местных является главным маркером моральной деградации, но существуют прегрешения и похуже.

– Это зараза прилипчивая, потом от таких знакомств не избавишься. Правильно говорили классики, – библиотекарша ткнула толстым пальцем в одну из развешанных по стенам табличек, на которой было выведено: «Береги честь смолоду!»

– Вот, Надежда тебе пример – девушка приличная, хозяйственная, хоть и упрямая... Она над тобой шефство возьмет, чтобы не связался с плохой компанией.

Антон выдохнул с облегчением. Если это единственное условие, при котором ему разрешается пожить здесь бесплатно некоторое время, пока преступников не поймают и не вернут деньги, то он был целиком «за».

Однако последующее многозначительное молчание подсказало ему, что главное испытание впереди.

Тяжелый взгляд заведующей опустился вниз, где на столе теснились кастрюльки с едой.

– А теперь слушайте внимательно, молодые люди. Здесь голубцы, картошка в мундире, тушеная курочка. Еще винегрет, домашняя кровяная колбаска, блинчики со сметанкой, брусничное варенье, – продолжала она с торжественностью инквизитора, перечисляющего пыточные инструменты. – И вам предстоит все это съесть. Иначе – обижусь.

Глава 5. Графиня и Богиня

На деревенской улице было пусто, лишь разомлевший на солнце кот поднял голову и проводил их отрешенным взглядом, словно удивляясь, почему эти люди шатаются в такую жару, вместо того, чтобы спать где-нибудь в тени под вишней.

С Надеждой они распрощались, на всякий случай обменявшись телефонами. Антон чувствовал себя благодарным девушке за хлопоты и одновременно не мог отделаться от ощущения, словно его передали на поруки, как малолетнего преступника.

Удивительно, но от обилия сытной деревенской еды Антона почувствовал себя не тяжелым и неповоротливым, а наоборот, невесомым и целеустремленным, как батискаф, стремящийся на морское дно.

Поэтому звонок Решкина не застал его врасплох.

– Есть дело, срочно приезжайте! – услышал он в трубке знакомый голос.

В итоге вся эта срочность полетела псу под хвост, и напрасно Антон мчал от Велесово до Мелогорска с ветерком, нервно подтапливая педаль акселератора. Минут тридцать он ждал лейтенанта Решкина у кабинета, а пробежавшие мимо сотрудники на все его вопросы отвечали вежливо, но уклончиво. Попытки звонить на мобильный нарывались на вечное «занято». Когда терпение Антона лопнуло и он твердо собрался уходить, вдруг появился опер, бодрый и веселый, как живчик.

– Ну что, готовы потрудиться? У меня появился доступ к базе данных МВД.

– Всего лишь база? – разочарованно спросил Антон. Он-то тешил себя надеждой, что розыскники уже вышли на след.

– Зато самая последняя, расширенная версия, – предупредил Решкин, – так что работы вам предстоит много. Попробуем отсортировать базу преступников по полу и возрасту, но все равно анкет множество. Да вы присаживайтесь за компьютер, не стесняйтесь.

Загудел древнейший системный блок, напоминающий экспонат из музея компьютерной техники. Выпуклый четырнадцатидюймовый экран покрывал такой слой пыли, что мигающий курсор просматривался с трудом. Держа перед глазами квадратик бумаги с логином и паролем, Антон попытался залогиниться в базу.

– Вы как, не против перекусить? – спросил Решкин и, не дожидаясь ответа, постучал в стену позади себя, используя для этой цели дырокол.

– Сколько? – спросили за стеной.

– Десять с капустой, десять с картошкой, десять с повидлом, – сказал Решкин, обращаясь к стене.

– С капустой закончились, – глухо произнес невидимый собеседник.

– Тогда рис с яйцом. Хотя подожди, с горохом еще остались?

Покончив с этими странными переговорами, Орест Решкин повернулся к Антону:

– Ну что, получается?

– В доступе отказано, – сказал Антон.

– Кем отказано? Наверное, компьютер подвис, – предположил лейтенант. – Это бывает, у нас техника из того века, когда Бориса Годунова на царство звали.

– Не в том дело... Имя пользователя базы или пароль не совпадают.

– Это еще что значит?!

Антон пожал плечами.

– Скорее всего, вам выдали неправильный пароль или логин.

– Странно. Будем разбираться.

Лейтенант исчез за дверью, а Антон принялся со скуки ковыряться во внутренностях операционки. Примечательно, что про компьютерную безопасность в этих внутренних органах

еще не слышали. В папках с красноречивыми названиями вроде «Секретно» и «Для внутреннего пользования» там и сям валялись текстовые файлы безо всяких паролей.

Поколебавшись, Антон достал свою рабочую флешку, где хранил архивы и всякий полезный софт.

В конечном счете, он имел полное основание покопаться в базе. Не хватало еще мотаться туда-сюда из Мелогорска в деревню из-за ошибки какого-то местного админа. Это же даже не взлом, а так... детские игры. Кстати, доступ ему положен как потерпевшему, а потерпевших не судят.

Тут и без теста уязвимостей было очевидно, что версия базы давно не апгрейдилась и полна дыр, как голландский сыр. Повздыхав пару минут, вспоминая операторы языка, он кое-как настучал скрипт для инъекции и вытащил на божий свет таблицу, где хранились хэши паролей и логинов пользователей.

Не удивительно, что ни один пароль не совпадал с тем, что был написан на квадратике бумаги. Такого пользователя либо изначально не существовало, либо кто-то его удалил. А это означало, что этот кто-то лейтенанта Решкина банально обманул. Кто и с какой целью, это уже другой вопрос.

Вот теперь можно было свободно побродить по базе данных. Антон уже знал, что в этой гигантской коллекции содержатся сотни тысяч досье преступников, но он оторопел, когда результат поиска выдал больше тысячи мошенниц возрастом от двадцати до шестидесяти лет.

Пока он прикидывал, сколько займет опознание, если на каждый профиль тратить, скажем, по минуте, между дверью и косяком появилась голова в бейсболке. Из-под бейсболки торчали рыжие волосы. Голова строго спросила:

– Где я могу сообщить о преступлении?

– Я занят, – машинально ответил Антон, и вправду занятый расчетами.

– Замечательно, – саркастически сказала голова. – Он занят. Хороша полиция! Здесь заняты всем чем угодно, кроме защиты законности. Оказывается, преступления теперь уже никого не интересуют...

Кажется, человек в бейсболке принял его за работника полиции. Пока Антон открывал рот, чтобы посоветовать рыжему обратиться к дежурному, голова исчезла так же внезапно, как и появилась.

Антон с усердием взялся за опознание, но к тому моменту, когда вернулся лейтенант, успел пересмотреть от силы двести профилей. Мало того, что аферисток было чересчур много, так еще и фотографии попадались старые и мутные. Надо сказать, красавиц среди них оказалось немного, так что никакого эстетического удовольствия Антон не получал, что было вдвойне досадно.

Поглаживая усы, Решкин внимательно выслушал историю про липовый пароль.

– Ясенько. А в техотделе меня от души накормили какими-то байками... Вот что, Антон Вячеславович. Как служитель закона, вашу методику одобрить не могу.

Он нахмурился.

– Но как тот же служитель закона, целиком такие действия одобряю. Потому что препятствовать раскрытию преступления противозаконно. Как говорится, прогнило что-то в нашем райотделе.

– Это из Шекспира, что ли?

– Из жизни, – ответил тот. – И это значит, что мы на правильном пути. Изучайте базу как можно внимательнее! Наши девушки, судя по их повадкам – опытные, заслуженные аферистки всех республик. Уверен, что они достаточно наследили.

– Времени много уходит, – пожаловался Антон.

Если поначалу он старался добросовестно сличать фотографии с хранящимися в памяти образами и пропускать через себя эти бесконечные анфасы и профили, то после просмотра второй сотни лица начали сливаться в одно мутное пятно.

– И почему у них у всех такие злобные лица? – не выдержал он.

– А это они нарочно так делают, – охотно пояснил лейтенант. – При фотографировании подозреваемые тарашат глаза и корчат зверские рожи, чтоб труднее было опознать. – Он раскрыл папку с уголовным делом. – Кстати, есть у меня одна догадка, которая может ускорить поиск. В заявлении вы упоминаете некую Матвеевну. Вспоминаете?

Антон, конечно же, помнил. Согбенная старуха с клюкой, в очках с толстыми, мутными, почти непроницаемыми стеклами, стояла перед его глазами, как живая.

– С ваших слов сказано, что данная старушка каким-то особенным образом крестилась.

– Ну, не знаю, – Антон засомневался. – Просто перекрестилась, кажется. А что, есть разница?

– Разумеется, – оперативник зашуршал документами. – Христиане совершают крестное знамение по-разному. Например, у православных принято троерукие, у старообрядцев – двурукие. У вас сказано, что Матвеевна крестилась ладонью. Вы уверены?

Антон почесал затылок.

– Кажется, да.

– Слева направо? – уточнил Решкин.

– Вроде бы да... сначала лоб, потом плечи, потом вниз.

Решкин удовлетворительно кивнул.

– Дело в том, что ладонью, то есть пятью пальцами, в память о пяти ранах Христа, крестятся католики.

– Откуда вы такие тонкости знаете?

Оперуполномоченный кашлянул.

– Так ведь я на историческом учился в свое время. Историю религий мы проходили, вот и задержалось в голове.

– Это значит, что Матвеевна – католичка?!

– Вполне возможно. Это рефлекторные движения, поэтому их трудно контролировать. Для нас важно, что область поиска значительно сужается. Достаточно отфильтровать преступников по вероисповеданию... Католики в наших краях – птицы редкие.

...Антон узнал ее мгновенно, хотя женщина на фотографии, казалось, совершенно не напоминала неловкую провинциальную доярку в резиновых сапогах, которая встретила его в Мелогорске. Снисходительно улыбаясь, с экрана на него смотрела красивая, самоуверенная, знающая себе цену девушка с игривой темной челкой над миндалевидными восточного разреза глазами. Если бы не эти запоминающиеся кошачьи глаза, Антон мог бы ее запросто проворонить.

– А-а-а! Богиня Вачковская! Дочь Графини! – произнес лейтенант. – Вот свезло вам, Антон Вячеславович, вот свезло. Довелось вам, как сказал поэт, поручаться с самим семейством Вачковским, а это дорогого стоит. Знаменитые местные шулера, мама и дочка, главари местной картежной мафии. Уверены, что это те самые?

У Антона от нахлынувших эмоций временно отказал речевой аппарат, и он только кивнул, переводя глаза с одной фотографии на другую. Он просто не верил, что после удара судьбы ему улыбнулась удача.

Две преступницы. Одна помоложе, в которой он узнал девушку Марину, а другая постарше, лет пятидесяти, с тяжелым змеиным взглядом – на фотографии она с вызовом смотрела прямо перед собой, поджав губы. Кошка и змея. Насчет кошки сомнений не было, и змея была та самая, что представлялась ему Матвеевной и нотариусом, в этом он был совершенно уверен.

Решкин постучал в стену:

– Але, розыск! Есть у вас что-нибудь актуальное на Вачковских?

Из-за стены отозвались:

– Мамаша и дочка, местные профессиональные шулера. Подпольные картежницы, ну и вообще... и крышуют, и рэкетом занимаются, всего понемногу. Там у них семейный подряд, в паре работают... Кстати, дочка ничего так, в норме, а мамашка страшная, как атомная война.

За стеной послышался звук, словно надломилась ножка стула. Кто-то засмеялся.

– Я вас не о красоте спрашиваю, – нахмурился Решкин. – Тоже мне, эксперты.

– У нас рабочее время закончилась, – возразили из-за стены.

Решкин обратился к Антону, понизив голос:

– Чувствую, пора разгонять этих дармоедов. Оклад и личный кабинет им предоставлен, как офицерам генштаба, но агентурной работы как не было, так и нет. Сидят, шушукаются, как бабы, а если выходят на территорию, то пропадают в пивбаре. Оперативники!

Антон слушал вполуха, поглощенный биографией аферистки «Марины».

Богиня Павловна Вачковская, 19 года рождения, в браке не состоит, детей нет, образование: среднее. Профессиональная воровка, неоднократно судима за кражи и мошеннические действия (см. Приложение), отбывала наказание в местах лишения свободы (см. Личное дело), на путь исправления не встала, злостно нарушала режим (см. Характеристика). Приметы: рост средний (174—175 см), телосложение худощавое, волосы темно-русые, слегка выются, глаза карие, нос прямой. Татуировка в области живота, изображающая русалку с длинными волосами, держащую во рту кинжал, ниже аббревиатура ОМУТ – «От меня уйти трудно». На правой ягодице татуировка, изображающая увитый колючей проволокой распустившийся цветок и надпись – «Будь проклят край, где вянут розы»...**

Читая это, Антон поначалу ощущал некоторое неудобство, словно подсматривал в замочную скважину. Он одернул себя – что за пошлая совестливость! Если бы Богиня (кто же ей имечко-то такое дал?) не грабила и не воровала, ему не пришлось бы читать про татуировки в области живота.

Следующим был профиль ее матери.

Жужанна Францевна Вачковская, девичья фамилия: Фридьяши. Известна под кличкой «Графиня», может иметь документы на разные ФИО (см. Приложение). 19 года рождения, уроженка села Земковцы Станиславской области УССР, образование: грамотная. Семейное положение: разведена, дети – Богиня и Август. Профессиональная воровка и аферистка, неоднократно судима и отбывала наказание (См. Личное дело). В колонии на путь исправления не встала. Особо злостно нарушала режим. Придерживается уголовных понятий, пользуется авторитетом в криминальном сообществе (см. Характеристика). Постановлением Бердичевского райнарсуда признана ООР (особо опасным рецидивистом). Приметы: рост около 165 см, среднего телосложения, волосы темные, глаза карие. Имеет зубные коронки на передних верхних зубах...**

Длинный список перечислял статьи уголовного кодекса и тернистый путь рецидивисток. Там значились валютные махинации, аферы, кражи, грабежи, и даже одно покушение на убийство. По спине Антона пополз холодок, когда он вспомнил, что тогда, в уединенном месте в саду, такая возможность у девушек была. Шмяк, и все. Вот там, под одной из яблонь, барышни и прикопали бы его холодный труп.

Оперуполномоченный его успокоил:

– Это преступницы серьезные, с квалификацией, такие на мокрое дело из-за ерунды не пойдут. Всякий разумный вор допускает, что его в конце концов примут органы. Понимает,

гад, что лучше отсидеть пятерку за кражу, чем тянуть пожизненный срок за убийство с отягчающими...

За окном уже сгустились сумерки, а Антон все не мог оторваться от экрана, разглядывая фотографии.

– Очевидно, мошенницы надеялись, что потерпевший их не узнает... отсюда и маскировка, платок на голове, очки, вот это все. Собирались выйти чистенькими из воды.

– Поймаете их? – с надеждой спросил Антон.

– Шансы повысились, – согласился лейтенант. – Дело в том, что группа эта известная и наследили девушки достаточно. Нам, то есть розыскному отделу, остается только идти по этим следам. И вот здесь нам поможет один человек. Это, можно сказать, местный криминальный эксперт. Человек интересный и влиятельный, хотя и со странностями. Зовут его Пылесос.

– Как-как?

– Это кличка такая. Правда, чтобы связаться с ним, мне потребуется ваша помощь.

Глава 6. Секрет Пылесоса

Немолодая кассирша пошелкала кнопками на кассе и выдала Антону чек. «Балтика семь», одна бутылка. Благодарим за покупку. ЗАО «Клуб по интересам». Видимо, в местную розничную сеть затесался шутник. Впрочем, магазин оправдывал свое название, только интересов было немного, чаще всего два – водка или пиво. Несмотря на позднее время, то поодиночке, то в компании, местные жители заходили в магазин налегке, а выходили загруженные провиантом, причем некоторые начинали проявлять интерес прямо у дверей клуба.

Пока кассирша занималась следующим покупателем, Антон наблюдал, как у полок с пивом отирается человек со снулым желтым лицом, вызывающим мысли о болезни поджелудочной железы. Человек взял в руки бутылку пива, поднес ее к лицу, близоруко вглядываясь в наклейку.

Антон бросил взгляд на охранника, который и ухом не повел, уткнувшись в «Мир сканвордов».

Все произошло быстро, подобно тому, как рыбак подсекает щуку. Мужчина клюнул носом, чуть прижав бутылку к себе и заслоняя ее от постороннего взгляда, а через пару мгновений возвратил бутылку на место. Его сонное лицо чуть оживилось, очевидно, выражая удовлетворение от выполненной работы.

Антон уже догадался, что это именно тот, кто им нужен.

– Пылесосом его прозвали за особый талант, – просветил его Решкин за несколько минут до этого. – Бутылку пива или водки может заглотнуть в один прием. Вот так берет и из горлышка мгновенно высасывает, молниеносно, прямо-таки оторопь берет. Отсюда и кличка. Благодаря этой способности Пылесос промышляет в магазинах. Заходит как обычный покупатель, ходит между полками, выбирает бутылочку пива, откупоривает ее и мгновенно выдувает. Затем, как ни в чем не бывало, ставит пустую бутылку на полку и уходит. Охрана ничего не успевает сообразить, а если и соображает, то слишком поздно.

– Подождите, – заинтересовался Антон, – а как же система наблюдения?

– На видеозаписи видно, как человек берет бутылку, подносит на несколько секунд к лицу, словно рассматривает этикетку, потому вдруг ставит на место. За доли секунд Пылесос умудряется откупорить бутылку, выпить ее и даже пробочку закупорить обратно. Фокусник! В итоге доказательная база полностью отсутствует. В отделении Пылесос клянется, что взял бутылку из интереса, подивился, с чего бы это она пустая, да и вернул ее на место. А куда пиво из бутылки делось – не его забота.

– Так его теперь, наверное, ни в один магазин не пускают, – предположил Антон.

– Наоборот, – возразил лейтенант. – Негласным образом охране приказано этого фокусника не пресовать. Во-первых, убытки незначительные. Во-вторых, под настроение Пылесос может высосать и бутылку текилы, или виски Белая Лошадь. Там уже ущерб довольно ощутимый. Поэтому негласное соглашение с магазинами состоит в том, что Пылесос бесплатно получает бутылку пива, скажем, раз в неделю, но в ответ обязуется не трогать другие напитки, которые подороже. Такая вот у человека образовалась королевская привилегия. Многие завидуют.

– Да я ни в жизнь не поверю, что правоохранительные органы вот так вот дали себя провести...

– А вот тут интерес взаимный, – лейтенант улыбнулся. – Дело в том, что Пылесос – наш давний и эффективный осведомитель. Тайный агент, так сказать. Но встречаться с ним на людях не совсем удобно, потому что человек я в городе известный. Поэтому сделаем так...

* * *

Антон перехватил подпольного осведомителя на выходе.

– Я от Ореста Михайловича... Есть к вам разговор.

Услышав имя и отчество, снулый человекек вздрогнул, словно пробуждаясь ото сна. Окинув взглядом Антона, он красноречиво сплюнул себе под ноги. Очевидно, что ситуация была ему привычна, но большой радости от грядущего свидания с ментами он не испытывал.

Лейтенант ждал их в автомобиле, в целях конспирации припаркованном в пустынном месте подалее от магазина.

– Графиня? – переспросил Пылесос, косясь на Антона. – И зачем она вам понадобилась?

– Это позвольте нам решать, Павел Анатольевич, – тактично сказал Решкин. – Не подкажете по дружбе, где сейчас мама с дочерью гастролируют?

Пылесос хмуρο глянул на него.

– Вы считаете, воры мне докладывают, куда их за фартом понесло?

Несмотря на сонный вид, говорил он веско и внятно, правильно расставляя интонации, как человек, привыкший выступать перед аудиторией. Даже уголовный жаргон в его устах звучал как-то академически.

– Нет, конечно, – согласился Решкин. – Как у вас говорят, Графиня – жучка положняковая. Вы с ней, по всей видимости, доверительных отношений не имеете. Но существуют слухи, разговоры между вашими, блатными... вы же умный человек, понимаете, о чем я.

У Пылесоса дернулась щека.

– А это что за кент? – он качнул головой в сторону Антона.

– Наш сотрудник, – успокоил его лейтенант. – Можете спокойно говорить в его присутствии. Давайте выясним для начала, откуда Графиня тут вообще появилась? Она же родом из Западной Украины, кажется?

Пылесос облизнул губы и нехотя произнес:

– Люди говорят, из Закарпатья. Там, откуда она родом, из приграничных сел, все сплошь авиаторы.

– Из контрабандистов, получается? – заинтересовался опер.

– То самое. С детства приучена нитку рвать... переходить границу туда-сюда. Слушок такой, а как на самом деле – кто его знает.

– Откуда же такая благородная кличка – Графиня?

– По малолетке связалась с ворами, – пояснил Пылесос. – В те времена они держали бан в Ужгороде. На вокзале работали, значит. Там же и поймала первую ходку. После лакшевала с гонщиками, поездными ворами, а жила с одним авторитетным байданщиком... звали того Граф. Отсюда и прозвище...

– По наследству, значит, титул перешел, – кивнул Решкин. – Но как она оказалась тут, в Мелогорске?

Человек с желтым лицом задумался, прикрыв глаза, словно вспоминая дела давно минувших дней с неохотой. Наконец, сказал:

– Говорят, в девяностые Графа вальнули по беспределу. Произошло это на дальняке, так что дело темное. Про Графиню говорят, что бегала по трассе с ширмачами, потом по югам со шпильманами, катала стирь, картежничала. Немало упакованных фраеров обчистила на курортах. Обучилась, значит, шулерскому и прочему блатному мастерству. Дочка ее к тому времени подросла, тоже артисткой заделалась. Ну, выбора-то у нее и не было, при таком-то наследстве...

– То есть дочь ее, Богиня Вачковская, по воровской специальности аферистка?.. – уточнил лейтенант, бросив многозначительный взгляд на Антона.

– Маклерщица, – согласился тот, – да видно не слишком способная, раз успела срок оттянуть. Почему здесь оказались? Думаю, по тому самому шулерскому делу. Видно, медом тут помазано, раз мухи слетелись...

– Мухи, Павел Анатольевич, на другое слетаются, – задумчиво сказал лейтенант. – Так значит, Графиня управляет нелегальным игорным домом?

– Можно и так сказать, – хмуро сказал Павел Анатольевич. – Только управляют заводом или каким-нибудь масложировым комбинатом. А Графиня поставлена братвой на катран, так будет правильной.

– Что ж, вы специалист, вам виднее. А как вообще катран устроен?

Пылесос приподнял бровь.

– Вам ли не знать... Выбирается удобная хата, может быть квартира, или дом, или хоть баня, например. С полицией решается вопрос, сами понимаете. Занесли кому надо, и катран никто тронуть не посмеет. С ночи собрались в тихом местечке шпилевые, катальщики, рискованные фраера, барыги и местное бакланье. Играют день, ночь, могут подряд неделю не вылезать, если игра на переломе.

И тут Антон вспомнил, что заведующая библиотекой говорила о каких-то картежных домах неподалеку от деревни.

– Во что играют – небось «преферанс» или «дурачка»? – поинтересовался опер.

Пылесос пожал хилыми узкими плечами.

– Да во что хочешь, тут как уважаемая шобла решит. Из серьезных предпочитают деберц московский или харьковский, кто попроще в трынью, ребята рискованные в буру, двадцать одно или штос. Ну а кто поинтеллигентней, те могут и пулю расписать.

– И какой интерес в этом деле у Графини?

– Известно какой, денежный... Как говорят, сама не играю, но лавэ собираю... Тут ведь главное, чтобы игра шла лобовая, то есть честно, без маяков, без шулерства, без кипеша. На это катранщик дает гарантию, тут его авторитет на кону. Взамен катранщик поднимает хозяйские бабки. Это значит, от каждого гостя свою долю от выигрыша имеет.

– Скажите, а как туда попасть, в этот катран? – спросил Антон. – Например, мне очень хочется поиграть в карты. Ну, и выиграть, конечно. Если я вот так просто приду, меня примут?

– Примут, если слово заветное при себе имеешь. Мол, порядочный фраер, с понятиями знаком, и лавандос при себе, это обязательно. Иначе какой от тебя толк? – усмехнулся тот.

– Допустим, согласен. Куда приходиться?

Лейтенант помалкивал, и Антон понял, что тот понял его игру и решил не вмешиваться.

В сонных глазах Пылесоса зажегся огонек, но моментально погас.

– Боюсь, в картишки вам перекинуться не получится, – в его голосе прозвучали нотки злорадства. – Люди говорят, пробежала малява от братвы закрыть эту тему до тех пор, пока нового смотрящего не поставят.

– А куда прежний смотрящий делся? – удивился лейтенант. – Как же его... будьте добры, напомните мне, Павел Анатольевич...

– Хоккеист, – подсказал Павел Анатольевич. – Хоккеист вор авторитетный, правильной масти, иначе бы не назначили, но вроде бы появились у братвы сомнения...

– Не справился с обязанностями? – подсказал опер.

Пылесос равнодушно пожал плечами.

– Какие там обязанности, это же не академия наук... Всего-то мазу держать за людей, да следить, чтобы на общак отстегивали, сколько надо... Дело в другом.

Он помолчал, словно раздумывая, стоит ли делиться с полицией такой деликатной информацией, но наконец, решился.

– В народе болтают, что Хоккеист этот не тот, за кого себя выдает. Что-то в биографии его не сходится. А еще говорят, что он то ли подментованный, то ли сам мент. А это, сами понимаете, дело нехорошее. Так что все мастевые затихарились, пока братва на сходе не разрулит, что случилось. И до особых распоряжений катран не фурычит. Как бы ненароком зашквара не получилось...

* * *

Лейтенант подождал, пока Пылесос выскользнул из автомобиля и исчез в темноте, и повернулся к Антону.

– Ну, что скажете?

– Хитрец он, кажется, – признался Антон. – Вроде бы и много рассказал, но ничего полезного.

Милиционер нахмурился.

– Совершенно верно. Врет – не врет, но напустил такого туману... Это уже не информатор, а дезинформатор какой-то. Не могу понять, что с ним случилось. Дело в том, что человек он вообще надежный, и до сих пор сотрудничество у нас складывалась прекрасно.

– С уголовником?.. – удивился Антон.

– В нашем деле такое сплошь и рядом, – пояснил опер. – Но здесь особый случай. Пылесос, он же Павел Анатольевич Кожехуба, человек интеллигентный, с высшим образованием, учитель физики в школе. Работал заместителем директора по учебной части. Странная история – вдруг попался на воровстве. А что украл – какую-то ерунду, лабораторный набор пружин для демонстрации силы тяжести на уроках физики. Копеечная вещь. Но средства бюджетные, вина доказана, поэтому получил небольшой, но срок. Когда вернулся с лагеря, жена бросила, человек запил. Теперь ворует пиво по магазинам, посредничает, занимается мелкими аферами, что под руку подвернется.

Они подъехали к панельной пятиэтажке, где жил Решкин. У Антона вертелся на языке вопрос:

– А кто такой этот Хоккеист? Главный бандит?

Тот пожал плечами.

– По слухам, авторитетный вор, назначен смотрящим в Мелогорск, но самого его из местных мало кто видел. Собственно говоря, личность неустановленная, человек без имени, без прошлого. Можно предположить, что бывший спортсмен, судя по кличке. Однако, кроме прозвища, сведений у нас нет. Информаторы утверждают, что загружен он по понятиям и никаких возражений у местной братвы до сих пор не вызывал. Если правда то, о чем рассказал Пылесос, то, как выражаются наши клиенты, готовится большой кипиш.

– Это плохо?

– Нехорошо, – признался Решкин, – потому что война, передел власти и вся эта нестабильность помешает расследованию. Блатные попрячутся по своим хазирам, и тогда их днем с огнем не найдешь. А время для нас ох как важно! Если Графиня не смоталась на юга, а затихарилась здесь, то брать ее с дочкой нужно как можно скорей, по горячим следам.

– Да уж хотелось бы, – признался Антон. – По правде говоря, у меня тут финансовый коллапс... Надеюсь поскорей вернуть деньги.

– Относительно денег я могу помочь, – неожиданно сказал лейтенант. – Постоянный заработок, не бог весть что, конечно, но выплачивается регулярно. Удивлены? – Он усмехнулся. – Хочу предложить вам работу в органах внутренних дел. Послушайте, вы человек молодой, образованный, с активной жизненной позицией, такие нам нужны. Есть вакансия в розыском отделе, на должность младшего оперуполномоченного. Работа, как сами видите, интересная!

* * *

Возвращаясь в деревню, Антон так погрузился в размышления, что чуть не пропустил поворот на Велесово. Ничего себе интересная работа! Он бы меньше удивился, если бы Реш-

кин пригласил его в полет на Марс на корабле в форме яйца. Так или иначе, он сам стремился к тому, чтобы жизнь его изменилась, желательно, в лучшую сторону. Но таких замысловатых выражений он не ожидал. Он уже представлял себя в полицейском мундире, нервно поправляющим портупею, от которой, как известно, тупеют. Это что, окончательная деградация его как личности, и теперь путь только вниз, до самого дна? Или, наоборот, пойти в менты – это шанс, который выпадает лишь однажды?

Когда он спускался в долину, уже близилось к полуночи, и на безлунном небе зажглись удивительно яркие звезды. Деревня встретила его потухшими окнами. Лишь редкие огоньки выдавали дачные коттеджи, беспечным обитателям которых не нужно вставать спозаранку.

К его удивлению, в доме горел свет. Был включен даже фонарь перед крыльцом. Кажется, он забыл повернуть рукоятку на электрощите и обесточить помещение перед уходом. Это, кстати, невежливо с его стороны. Если странный хозяин графского дома вернется, то счет за электричество окажется неприятным сюрпризом.

Он только собрался умыться и залезть в спальный мешок, чтобы не шевелиться как минимум до утра, как мобильный пипикнул, напоминая, что аккумуляторная батарея почти разряжена.

Ну должна же тут быть хоть одна розетка!

Он принялся бродить по дому, заглядывая во все щели. Не может быть, чтобы где-нибудь не притаилась хоть старенькая, хоть архаическая, но банальная электрическая розетка на двести двадцать вольт.

Обыскав дом снизу доверху, он нашел множество странных бесполезных штук, вроде утюга на углях и устройства для выдавливания косточек из вишен, но ни одной розетки. Отчаявшись, он уже хотел плюнуть на поиски, но обнаруженный в углу моток медной проволоки подсказал ему другую идею.

И вправду, что мешает ему сделать простейший отвод от патрона электрической лампы? Технических знаний на эту операцию у него должно хватить.

Он выбрал самую крепкую из табуреток и полез выкручивать лампочку из патрона.

Таких странных ламп накаливания он еще не встречал. В отличие от тех, что были Антону знакомы, ее колба напоминала скорее форму гриба, чем груши. Верх лампы был сплюснут, а на конце имелся крошечный стеклянный хвостик. Все бы ничего, ведь сейчас на рынке каких только лампочек не встретишь, но выглядела она так, словно ей тыщу лет.

Антон осторожно выкрутил лампу из патрона и разглядел ее внимательней. Его поразила причудливая нить накаливания эллиптической формы. На цоколе имелась еле приметная надпись: The Shelby Electric Co. ОНЮ 1905.

Антон еле удержался на табуретке, когда осознал, что, по всей видимости, этой лампочке больше ста лет.

Сто лет! Трудно поверить, что такая музейная вещь запросто оказалась в деревенском доме. Но от факта не отопрешься. Электрический щиток, который он обнаружил вчера, тоже был из этой серии, конечно. Пожалуй, вся электрическая система сохранилась с того времени.

Он перешел к щитку и тщательно его исследовал, подсвечивая фонариком. Между щитком и стеной оставался широкий зазор. Наверное, если отвинтить щиток от стены, то откроется доступ к электрическому стояку.

Антон нажал на край щитка, пытаясь определить, каким образом он прикручен, и оторопел.

Раздался внятный щелчок, и щиток отделился от стены, повиснув на петлях. Открылась неглубокая ниша наподобие сейфа, внутри которой змеились покрытые пылью жгуты толстых проводов. Провода выходили из отверстия в стене и присоединялись к черным винтовым переключателям. По центру «сейфа» находилась пластина янтарного цвета, установленная в мед-

ные зажимы, которые также крепились к проводам. Ниже пластины имелась рукоятка с круглым черным набалдашником.

Антон осторожно дотронулся до рукоятки и та поддалась, издав короткий мелодичный звон. Дзин-нь!..

Видимо, внутри «сейфа» сохранилась часть древней электрической проводки. Зачем в этой схеме рукоятка с набалдашником, пока неясно, а вот янтарная пластинка, скорее всего, нечто вроде предохранителя. Дотянувшись до пластины, Антон решил проверить свою мысль. Ослабив зажимы, он вытащил пластину, поразившись ее легкости. В тот же миг свет в помещении погас.

«Ага!» – сказал он себе. Очень похоже, что это предохранитель.

Посветив фонариком, он внимательно изучил пластину. Размером она была с ладонь, правильной прямоугольной формы, толщиной в пару сантиметров. От пластины шло ощутимое тепло. Материал, из которого она была сделана, напоминал затвердевшую полупрозрачную смолу желтоватого цвета. Внутри виднелись перепонки, видимо, металлические контакты. Когда он выключил фонарик, то обнаружил еще одну странность.

Пластина светилась в темноте.

Свечение не слишком интенсивное, но, пожалуй, книжку можно читать. Антон выключил фонарик и установил пластину на стол. Теперь очертания комнаты обозначились мягким желтым светом. Интересный эффект, объяснения которому он не мог найти. Фосфоресценция, может?

Мобильник беспомощно тренькнул, напоминая о том, что батарея окончательно села. Шел второй час ночи.

Он лег на спину, направив взгляд в потолок. Пока он размышлял, под потолком нарезал круги одинокий комар, набираясь смелости, чтобы спикировать и кусануть. Но Антон, который ненавидел комаров пуще геморроя, сейчас не обращал на него внимания.

Он ломал голову и не мог найти ни одной причины, по которой все это случилось именно с ним.

Разве он не должен был просто купить симпатичный домик в деревне и наслаждаться жизнью в этом живописном местечке?

Почему ему так не повезло?

Не в силах заснуть, он ворочался под неумолкающий писк болтающегося где-то поблизости нерешительного комара, и перебирал в голове все несуразные события, что с ним случились. Станный звук, который исходил со стороны горы. Потайная электрическая проводка времен Эдисона. «Янтарная» пластина, непонятно отчего светящаяся в темноте. Книга о Мелогорской скрижали с мрачными текстами про субстанции и философский камень.

Кстати говоря, куда делась сама книга? Наверное, Надежда забрала ее с собой.

Он не заметил, как отключился и погрузился в сон.

Во сне теплые руки мягко подняли его, как ребенка, и погрузили в воду. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что плывет по течению широкой реки, отдаваясь на волю волн. Он плыл на спине, и лицо его было обращено к небу, а облака нависали над ним так низко, что казалось, он мог приподняться и коснуться их рукой. Однако шевелить руками и ногами у него не получалось. Тело онемело, словно его спеленали по рукам и ногам. Будучи во сне, он сохранил рассудительность и тут же сообразил, что плывет в туго застегнутом спальном мешке, сковывающим его движения. Никаких отрицательных эмоций он по этому поводу не испытывал – плыть таким образом оказалось приятно и чуточку эйфорично. Мимо проплывали берега, где росли деревья, ветви которых клонились к воде, как волосы Аленушки на известной картине. В этом сне Антон наслаждался покоем и одиночеством, пока не обнаружил, что рядом с ним плывет незнакомый ему человек.

Незнакомец выглядел жирным, распухшим, с белым, как рыбье брюхо, телом. Человек плыл бок о бок с Антоном, изредка касаясь его рыхлым плечом, задрал подбородок и раскинув руки-ноги. Поначалу Антон старался не обращать на него внимания – плывет и плывет себе человек, но иногда на соседа поглядывал, пока не обнаружил странное. Черты лица, нос, стрижка – все это было ему знакомо по фотографиям, особенно в профиль. И тогда к нему пришло понимание. Рядом с ним плыл он сам. Точнее, его двойник, с которым произошла странная метаморфоза. С любопытством, смешанным с омерзением, Антон разглядывал самого себя, отмечая потерявшее цвет лицо, впалый рот, хрящеватый заострившийся нос – он словно был стар, болен, или... мысль пронзила его – мертв?

От страха Антон закричал и проснулся.

Пару минут лежал в поту, пока остатки кошмарного сна не растаяли. На стенах застыл призрачный желтый свет, исходящий от «янтарной» пластины, которую он оставил на столе.

– Помогите! Кто-нибудь!

Теперь он осознал, что за пределами дома кто-то кричит.

Антон выбрался из спальника, сунул ноги в кеды и нетвердо поплелся на выход, для устойчивости держась за стены. Распахнув дверь, он определил, что крики доносятся со стороны сада.

Немного ошалевший, он направился в ту сторону.

– На помощь! Да помогите же! – надрывался кто-то совсем близко.

Остатки сна окончательно улетучились, когда в рассветном полумраке Антон увидел, что из земли торчит человеческая голова. Голова выглядела совершенно как настоящая, с нахлобученной кепкой-бейсболкой.

– Вытащите меня отсюда немедленно! – потребовала голова. – Ну, подайте же мне руку.

Антон молча протянул ему руку, и человек с обезьяньей цепкостью ухватился за нее, принявшись выбираться из компостной ямы, дрыгая ногами и помогая себе свободной конечностью.

– Я бы и сам, конечно, справился, – сказал он, оттирая руки от навоза. – Но там внизу доски, понимаете ли, и у меня застряла нога. Тут уж ничего не поделаешь, пришлось звать на помощь.

Это был плотный человечек лет тридцати, экипированный туристом – в камуфлированной полевой куртке типа «буря в пустыне» и таких же брюках.

– Это хорошо, что хоть вы поблизости оказались, – сварливо сказал он. – Но что это за мода, устраивать ямы! Если роете ямы, то предупреждайте!

В его речи слышался небольшой акцент, но это не мешало туристу говорить быстро и без пауз.

– Ба! – неожиданно закричал он, присмотревшись к Антону. – А я вас узнал! Я же видел вас в полиции! Как вы тут очутились? Неужто на задании?

И тут Антон его вспомнил. Это же тот самый рыжий в бейсболке, который заглядывал в кабинет лейтенанта Решкина. Похоже, чужак принял его за работника правопорядка.

Это уже тревожный симптом, с неудобством подумал Антон. Что, так похож?

Он не успел вставить слово, как рыжий доверительно взял его за плечи и сказал, проникновенно глядя в глаза:

– Я понимаю, что вы всего лишь выполняете приказ. Но бывают случаи, когда все мы должны пренебречь бездушным пунктом устава. Перед угрозой цивилизации всем нам нужно сплотиться! Вы готовы к тому, чтобы противостоять преступлению против истории? Или будете прятать голову в песок, как ваши коллеги?!

Антон не нашелся, что сказать. Из эмоциональных, но довольно убедительных слов рыжего человека выяснилось, что он уже давно – с неделю как – осаждают отделение полиции

этого провинциального города, чтобы сообщить о преступлении. Однако, к его искреннему огорчению, от него отмахиваются, как от назойливой мухи.

– Как это не в их компетенции? – горячился он. – Нет, это все потому, что я иностранный подданный. У меня нет никаких прав в этой стране! Если бы я был местный, они бы от меня так просто не отделались. Кстати, будем знакомы, – он протянул Антону руку, выпачканную компостом, – Патрик Уиллис Колхаун, доктор психологии, по совместительству любитель истории. Нахожусь здесь с исследовательскими целями, в некотором роде.

Он внезапно встрепенулся, словно его посетила удачная мысль.

– Послушайте, но это же удивительное везение, что вы оказались здесь в это самое время!..

Он сверился с часами и рубанул рукой воздух.

– Вас послал мне сам бог! Пойдемте! Идите за мной, и сами во всем убедитесь! Поспешите! Осталось несколько минут, они уже наверняка там!

На мгновение Антон пожалел, что вылез из спального мешка. Кажется, этот человек либо сумасшедший, либо какой-то невротик. В любом случае пускай бы и оставался в яме до утра...

Хотя ему и в самом деле стало чуточку любопытно. Откуда тут в деревне взялся иностранец, да еще с таким прекрасным знанием языка, пусть и с акцентом? А что касается преступления против истории, то это что-то новенькое в юриспруденции...

Рыжий человек быстрым пружинистым шагом направлялся в сторону оврага, в это время затянутого туманом. Проклиная все на свете, Антон не нашел ничего лучшего, чем двинуться следом. Сначала он решил, что иностранец собирается к речке и значит, повернет направо, но тот двинулся в обратную сторону.

– Послушайте, куда мы идем?

Идущий впереди остановился и показал рукой вверх, где в предрассветной дымке пряталась вершина горы.

– Туда.

Глава 7. Наследник

Уже через несколько минут ходьбы штаны и обувь промокли насквозь от росы. Каким образом им удастся взобраться по меловому склону, Антон не представлял совершенно. На первый взгляд, это противоречило человеческим возможностям. Однако иностранного гражданина это нисколько не смущало. Видимо, он прекрасно ориентировался на местности. Пройдя некоторое время вдоль склона, по едва видной тропе они спустились в овраг. Лавируя между кучами строительного мусора и оскальзываясь на отбросах, Антон едва поспевал за прытким иностранцем.

Постепенно они выбрались из оврага и начали подъем по едва намеченной тропе, что вилась между молодыми елочками и кустарником. Густо пахло хвоей и чабрецом. Совершенно непонятно, как вся эта растительность прижилась на крутом меловом склоне, но во всяком случае, от нее была существенная польза, в том смысле, что за куст можно было ухватиться в критических случаях. Когда Антон задирает голову, он видел только ноги иностранного гостя, обутые в массивные армейские ботинки. Тот без устали карабкался вверх, как заведенный, а из-под его подошв на Антона подло сыпалась меловая крошка и сосновые иголки. Это было неприятно, тем более что Антон ни в коем случае не напрашивался на эту экспедицию, и в его сердце росла тихая ненависть к неугомонному рыжему.

Тропа, по которой они двигались, спиралью обвивала гору и вела на западный склон, постепенно набирая высоту. Первое время снизу в дымке можно было разглядеть графский дом, но со временем они продвинулись дальше и участок исчез из виду. Теперь Антону стало ясно, что иностранец вовсе не собирался покорять вершину горы. Его цель находилась в другом месте.

Здесь, наверху, было прохладней, и Антона начал бить озноб. Сосняк становился гуще, пока они не оказались в самом настоящем лесу. Высокие сосны и ели непостижимым образом укоренились в меловой толще, скупно пропуская свет сквозь закрывающие небо кроны.

Первые лучи солнца уже пробивались за горизонтом, когда они выбрались на открытое место, где лес заканчивался обрывом. Патрик внезапно остановился, повернулся и жестом показал, что нужно соблюдать тишину. Его рука указывала куда-то вниз.

Склон здесь обрывался, и изумленному взгляду Антона предстал глубокий карьер, тупым клином врезавшийся внутрь горы. Это выглядело так, словно гигантское мифическое животное сожрало здоровенный кусок горы, а остальное решило приберечь на потом. Кажется, что это были остатки старой меловой выработки. Зброшенную площадку до сих пор сторожил древний ржавый экскаватор. Антон слегка удивился, что такое богатство не растащили на металлолом расторопные местные жители, но, присмотревшись, понял причину.

Карьер был буквально заперт со всех сторон света. Отвесный меловой склон сильно затруднял проникновение в котлован с севера, юга и востока, а западная сторона представляла из себя густой лес на многие километры. По всей видимости, когда-то существовала просека, ведущая сквозь лес, но с годами лес ее поглотил и даже следы ее исчезли в густом лиственном море. Пробраться в этот уединенный уголок каким-либо транспортом, кроме вертолета, можно считать нереальным.

Тем удивительнее было обнаружить, что на дне котлована находились люди. Они двигались, занятые непонятной деятельностью, и от них исходил неясный тревожный гул.

Антон окинул взглядом тянувшийся до горизонта лесной ковер. Причина, по которой эти люди здесь собрались, должна быть убедительной. Попробуй заставь человека за просто так пройти несколько километров глухими тропами сквозь лесную чащу...

Их лица трудно было разглядеть с той высоты, где затаились Антон с иностранцем, но в глаза бросались странные головные уборы, напоминающие черепа с рогами. Антон

не слишком разбирался в зоологии, но, судя по всему, это и были самые настоящие черепа какого-нибудь достаточно крупного рогатого скота. Среди рогатых были как мужчины, так и женщины, которых можно было опознать по фигуре. Одежда рогатых людей напоминала хламиды или древнеримские тоги, стилистически соответствуя экзотическим головным уборам.

Странные люди располагались внутри круглой площадки размером с цирковую арену, декорированной по периметру кусками мела и хвойными ветками. Площадка по касательной примыкала к отвесной меловой скале, где громоздилось несколько крупных валунов, уложенных у подножия наподобие альпийской горки. Посредине этой арены имелось углубление наподобие бассейна, вокруг которого участники необычного пикника разжигали костры, и поднимающийся дым уже щекотал Антону ноздри.

Похоже, что собрание было тайным. Иначе зачем уединяться в таком месте?

Когда в котлован нырнули первые лучи солнца, откуда ни возьмись, словно из-под земли, на арене появился человек в выделяющейся черной хламиде и черным же черепом на голове. Скорее всего, это был старший, руководитель группы, так сказать. Его появление вызвало еще большее оживление среди рогатых, которые поспешно занимали позиции на периметре.

– Вы видите? – прошептал ему иностранец, отчаянно жестикулируя. – Это они!

Осталось непонятным, что его так возмущало. На первый взгляд, ничего страшного в том, что люди решили пообщаться, пусть даже и в лесу, не было. Единственное, что Антона насторожило, это костры. От них пахло средневековьем и нездоровым шаманизмом. Как бы эти рогатые не принялись друг-друга поджаривать.

Он уже не сомневался, что это те самые местные сектанты, о которых его предупреждала бдительная библиотечка Зинаида Михайловна.

Словно по приказу, группа людей в хламидах расступилась, образовав круг. По знаку предводителя в котловане воцарилась относительная тишина. В руке у черного человека появился сосуд, напоминающий небольшой котелок. Только теперь Антон разглядел, что каждый костер был снабжен треногой, на которой висели котлы. Кашу они себе варили, что ли?

Черный предводитель подходил к каждому из присутствовавших и протягивал котелок. Было видно, как рогатые люди доставали из котелка какие-то волокна и немедленно принимались их поедать. Остатки из котелка предводитель выплескивал в круглый бассейн, что находился в центре площадки. По окончании процедуры все котелки были торжественно сняты с треножников и опорожнены в бассейн, откуда пошел пар, как от кипятка.

– Смотрите же, смотрите! – прошипел человек в бейсболке.

Собравшиеся опустились на колени перед бассейном и почти одновременно, словно по команде, склонили головы.

– Что они делают? – спросил изумленный Антон.

– Пьют! Это у них называется – священный водопой! – торжественно сказал иностранец. – Но это не главное! Пусть пьют что угодно, хоть цикуту! Дело в другом! Вы же видите, что они делают! Они же преступники! Мы – свидетели преступления, и наш долг – немедленно заявить о нем властям.

Он снял бейсболку и помахал ей, как флагом.

– Немедленно покиньте территорию! – заорал он вниз. – Убирайтесь вон отсюда! Здесь находится полиция! Вы все арестованы!

Глядя на сумасшедшего, Антон только теперь осознал, насколько рыжим был этот человек. Бывают люди слегка рыжие, или рыжеватые, а этот был абсолютно рыжий, рыжий в кубе. Рыжина в этом экземпляре достигала ста процентов. Все в нем было рыжим, кучерявые волосы, растительность на лице, и даже из ушей лезло что-то рыжее. Скорее всего, это был чемпион среди рыжеволосых. Это факт Антона немного встревожил. Просто по опыту он знал, что с рыжими бывает непросто.

Тем временем внизу на них обратили внимание. Рогатые люди поднимались с колен, переговариваясь и тыкая пальцами вверх, словно жители затерянных островов, увидевшие в небе самолеты. Антон сразу почувствовал себя неудобно.

– О каком, собственно, преступлении вы говорите? – спросил он. – Что сделали эти люди? Рыжий человек смотрел на него с презрением.

– Только что все произошло на ваших глазах! Здесь, прямо под нами, на глубине десятков метров, находится величайший памятник культуры, Мелогорский подземный монастырь! Архитектурный шедевр четырнадцатого века используется как место для сборищ и ритуалов! Эти люди захватили монастырь, проникли внутрь, заняли кельи и трапезную. Они буквально разрушают его! Неужели вы, местный житель, об этом не знаете?

Антон понял, что пора признаваться, что его совершенно напрасно принимают за работника правопорядка, но неугомонный иностранец продолжал сыпать:

– Я подал жалобу в ЮНЕСКО и всемирный фонд охраны архитектурных памятников. Я обратился в министерство культуры и разместил запрос в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Я оставил заявление в вашей полиции, наконец! Вы думаете, кто-то должным образом отреагировал на это безобразие? Посмотрите!

Он указывал в сторону котлована.

Антон глянул вниз и с удивлением обнаружил, что все участники недавнего представления исчезли. Площадка была пуста. Около бассейна никого не было. Только дымок от затухающих костров напоминал о произошедшем.

– Куда они все пропали?

– Они внутри, – объяснил иностранец. – В стене замаскирован вход в монастырский притвор. Видите камни у скалы? Они скрылись через ход, который ведет в подземные кельи. Попрятались, как тараканы! Что они там делают, одному богу известно! Я уже выяснил, что это секта язычников. Их храм находится в соседней деревне, но по непонятной причине они выбрали Мелогорский монастырь для своих идиотских ритуалов. Кажется, они поклоняются духу животных или что-то в этом роде. Но меня не интересует их религия! – он поднял палец. – Пусть служат хоть самому дьяволу! Однако эти люди самым наглым образом оккупировали территорию монастыря! Они препятствуют исследованию древнего памятника культуры! Этого я стерпеть не могу.

Рыжий человек перевел дух и продолжал уже спокойнее:

– Вы знаете, что перед входом в монастырь стояла уникальная деревянная часовня?

– Это они ее разрушили? – мрачно спросил Антон.

– Нет, часовню развалили в семнадцатом году. Вы думаете, из чего эти варвары разводят костры? Из древних досок, которые остались от часовни. Доски, на которых могли быть древние росписи, они используют как дрова!

– Подождите, так вы историк?

– Я психолог-консультант, – немного обиделся иностранец. – Хотя я страстный любитель древностей и увлекаюсь историей своего рода. Дело в том, что представители моей семьи служили делу сохранения монастыря в течение последних ста лет, с тех пор как мой предок переехал сюда из Шотландии, чтобы выращивать сахарную свеклу. Ну, вам, как местному жителю, это должно быть прекрасно известно. Здешнее село даже носит его фамилию.

– Вы имеете в виду Велесово? То есть граф Велесов – ваш предок?

– Мой прапрапрадед, – уточнил иностранец. – Его настоящее имя было Гермес Планкетт Уиллис.

Антон вздрогнул.

– Вы говорите – Гермес? Почему Гермес?!

– Весьма популярное имя в те времена, – пояснил тот. Считалось, что носящий его находится под покровительством святого Гермеса. Мой предок происходил из знатного, но обед-

невшего шотландского рода. Он эмигрировал в Российскую империю в 1837 году, в год вступления на престол королевы Виктории, чтобы впоследствии стать родоначальником могущественной династии графов Велесовых, сахарозаводчиков и филантропов. Три поколения моей семьи прожили здесь, им принадлежало все на тысячи акров вокруг – земли, леса, сахарные заводы!

– Если он Уиллис, то откуда взялся Велесов?

Рыжий с охотой пояснил:

– Необычную фамилию Уиллис крестьяне выговаривали на местный манер, получалось Велес. Через сто лет эта форма закрепилась, и члены семьи впоследствии писались как Велесовы.

– То есть Велесовы – это бывшие Уиллисы? – в замешательстве спросил Антон.

– Естественно! Так же как Лермонтовы – бывшие Лермонты, а Фонвизины – бывшие фон Визены.

– Значит, и гора называется Велесовой по фамилии сахарозаводчиков? А славянский бог Велес тут не при чем?

– Ну разумеется, – рассердился тот. – При чем тут какой-то бог? Все здесь принадлежало Велесовым. И гора, и леса, и сама деревня – все принадлежало им.

– Но почему же вы теперь Уиллис, а не Велесов?

– После революции мой прадед покинул Российскую империю и взял прежнюю фамилию, – снисходительно объяснил он. – Ну, знаете, чтобы не задавали лишних вопросов. С тех пор наша ветвь Велесовых живет за границей. Но в семье хранятся архивы моего деда, которые достались ему от прадеда и так далее. Документы в основном на русском языке, и это весьма интересное чтение, могу вас уверить.

– Так вот почему вы так хорошо говорите по-русски!

Патрик Уиллис Колхаун покраснел от удовольствия.

– По традиции, каждый член нашей семьи говорит на русском и передает знание сыну или дочери. У нас в доме сохранилась прекрасная библиотека! Но увы, связь с российской ветвью оборвалась. Судьба их закончилась трагически. Мой двоюродный прадед Борис Велесов умер в 1925 году, его сын расстрелян в 1937. Другой двоюродный прадед, Гавриил Велесов, репрессирован годом позже. – Он пожал плечами. – Полагаю, то было сложное время, перелом эпох! В настоящее время остался только один прямой наследник графа Велесова – ваш покорный слуга.

– А мне рассказывали, что Велесовых тут целая деревня.

Иностранец фыркнул.

– Это совершенно другие Велесовы. Как у вас говорится, седьмая вода на киселе – дальние родственники или крепостные, что получали фамилию графа благодаря курьезам и морганатическим связям. Ну, знаете, как это бывает – увлекся барин дворовой девкой, та и принесла в подоле байстрюка. А поскольку увлекаться наши предки умели, то и фальшивых Велесовых развелось, как грибов после дождя.

– А вы...

– Разумеется, настоящий, – снисходительно сказал иностранец. – Самый что ни на есть. У меня и документы имеются, и родословная, и права на наследство.

– Какое наследство?

– Вот это все, – рыжий наследник обвел рукой далеко вокруг, подобно атаману Стеньке Разину, указывающему с волжского утеса путь мятежным войскам, – согласно завещанию, теперь принадлежит мне. И даже не сомневайтесь. Это завещание составил сам граф более ста лет тому назад.

Антон с удивлением посмотрел на странного человека.

– А теперь давайте возвращаться, – озабоченно сказал тот. – Не забывайте, что вы – ключевой свидетель преступления! Нам с вами просто необходимо обратиться в полицию как можно скорее, желательно пораньше с утра, иначе все ответственные лица разбегутся. Пора-зительная безответственность. Они не желают принимать мое заявление под тем предлогом, что подземный монастырь не зарегистрирован как архитектурный памятник. Теперь мне приходится хлопотать и об этом!

* * *

К тому времени, когда они спустились с горы, солнце уже поднялось и деревья в саду отбрасывали длинные тени. Между деревьями бродила одинокая девичья фигура. Завидев Антона с рыжим иностранцем, Надежда выпрямилась. Рядом с ней стояло синее ведро с яблоками.

– Вот, решила с утра собрать яблоки, пока не погнили, – сказала она, косясь на незна-комца. – Из этого сорта компот хороший получается. Можно сварить, если любите с кислинкой.

Иностранец смотрел на девушку с таким нескрываемым интересом, что та смутилась, и добавила:

– И еще, кажется, этой ночью в компостную яму кабан провалился...

Антон раскрыл рот, но рыжий человек его опередил.

– Это был не кабан, – сообщил он с широкой улыбкой, – а ваш покорный слуга. Застрял в яме по нелепой случайности... Позвольте представиться – Патрик Уиллис Колхаун, доктор психологии, и по совместительству историк-любитель. А вы, видимо, хозяйка этой усадьбы?

– Хозяина сейчас нет. – Девушка взглянула на рыжего повнимательней. – Кажется, я о вас уже слышала. Это вы разносите по деревне слухи о том, что вы наследник графа Велесова?

– С вашего разрешения, – возразил иностранец, – никакие это не слухи. Здесь все вокруг – земля, на которой вы стоите, и дом, и даже компостная яма, а которой я застрял – принадлежит династии Велесовых, а я единственный полномочный наследник. Более того, я собираюсь доказать это в суде и вернуть собственность законному владельцу.

Девушка неуверенно улыбнулась.

– Вы, наверное, шутите.

Она растерянно посмотрела на Антона, словно ища поддержки.

– Этот дом и участок принадлежит совершенно другому человеку. Никаких других доку-ментов на право собственности у вас не может быть.

– Есть! – торжествуя произнес рыжий, и в этот момент Антон еще раз пожалел, что не оставил его в навозной яме навсегда, – есть у меня такие документы! Хотя разумеется, ваши сомнения мне понятны. Я бы и сам на вашем месте засомневался!

Он взглянул на часы.

– Пожалуй, я удовлетворю ваше любопытство. Но только десять минут, не более! У меня важная встреча в местном полицейском управлении, – и он со значением глянул на Антона.

Оказавшись в доме, Патрик Уиллис Колхаун сбросил рюкзак. На свет явилась толстая кожаная папка.

Сложив руки на груди, Надежда с подозрением смотрела, как тот расстегивает папку и выкладывает оттуда бумаги, конверты, какие-то футляры.

– Разумеется, это копии, – предупредил он. – Оригиналы хранятся в моей банковской ячейке в Цюрихе. Это настолько ценные документы, что я не могу рисковать!

Антон и Надежда молчали, разглядывая бумаги с пышными колонтитулами, гербами и вычурными сигнатурами.

Иностранец смотрел на них торжествуя. Похоже, эти мгновения доставляли ему огромное удовлетворение.

– Я вынужден начать издали, – сказал он. – Дело в том, что мой предок, влиятельнейший и могущественный Гермес Уиллис, его сиятельство граф Велесов, обладавший многомиллионным состоянием, бесчисленными земельными и лесными угодьями, десятками фабрик и заводов, на которых работали тысячи работников – имел одну, но пагубную страсть. Этой страстью был зеленый карточный стол.

Он сделал трагическое лицо.

– Граф много играл, и имел репутацию отчаянного, дерзкого игрока. За вечер он мог выиграть или проиграть сотни тысяч. Он был умен и талантлив, и в карточном мастерстве мало кто мог с ним сравниться. Он разъезжал по всему миру и везде играл – в Ницце, Париже, Бадене, а его соперниками были сильные мира сего – финансовые магнаты и наследники престолов. Ему часто везло, но временами удача ему изменяла, пробивая чувствительные бреши в его состоянии, которое по тем временам считалось фантастическим! Эта страсть так захватила его, что к шестидесяти годам он совершенно потерял контроль над собой и однажды проиграл целый миллион. В то время за эти деньги можно было купить небольшой город. В конце концов обеспокоенная семья убедила его отправиться в Швейцарию, чтобы пройти годичный курс лечения животным магнетизмом. К сожалению, никакого успеха эта попытка не принесла. На следующий день после возвращения в Петербург он проиграл два доходных дома на Литейном проспекте. После этого случая семья приняла решение убедить графа передать имущество в доверительное управление... Прошу убедиться!

Патрик Уиллис протянул одну из бумаг Надежде.

– В 1899 году граф Велесов передал управление всем своим капиталом, промышленными предприятиями и земельными угодьями в американский трастовый фонд.

– Что значит передал? Подарил, что ли?

– Это значит, что фонд обязуется управлять имуществом графа Велесова, но доход от имущества поступает в распоряжение бенефициаров, то есть графа и его законных наследников, – с очевидным удовольствием пояснил он. – Но дело в том, что имущество передавалось в траст не навсегда, а на определенный срок – ровно на сто лет. Соответственно, через сто лет все состояние Велесовых должно перейти к ближайшему наследнику.

Он с торжеством глянул на них.

– И вы наверняка догадались, что конечным наследником и бенефициаром оказался... ваш покорный слуга!

Нахмурившись, Надежда листала бумаги.

– Здесь лишь малая часть самых важных документов, из тех, что содержались в депозитарии фонда. – предупредил наследник. – Остальное хранится у меня дома, это тысячи бумаг, описи имущества, карты поместий и хозяйственных помещений, схемы производств, складов, техники, рабочих – десятки амбарных книг и документов. Кстати говоря, я привез с собой и документы на этот дом – единственное сохранившееся здание из усадебного комплекса графов Велесовых, выстроенное для управляющего Потапа Ивановича Чурилова. Дом сложен в 1892 году из знаменитого желтого мелогорского кирпича, выделанного на принадлежащем Велесовым кирпичном заводе. Мой прапрадед передал усадьбу во временное пользование своему управляющему после женитьбы того на Лизе Велесовой, дочери и законной наследнице, которая приходится мне двоюродной прабабкой.

Вывалив эту кучу сведений, он с безмятежной улыбкой глянул на Надежду, словно приглашая ее разделить с ним радость воспоминаний.

– В то время это был немножко скандал, мезальянс, как принято говорить. Молодой Чурилов – сын доктора Чурилова, близкого друга графа, известного ученого, но родом из крестьян, мужиков... Ему повезло, что в моей семье придерживались либеральных взглядов, приняли как родного и его, и его детей.

Понемногу тон иностранца приобретал хвастливые нотки, и Антон почувствовал раздражение. Поразительно нудный тип. Надежда же слушала внимательно, не перебивая, лишь изредка нервно смахивая прядь со лба. Когда Патрик замолчал, она взглянула на Антона, и ему показалось, что в глазах ее мелькнула смешинка.

– То есть вы претендуете на имущество своих предков? Хотите вернуть родовые земли? – уточнила она.

– Разумеется!

– И вы серьезно считаете, что эти бумаги дают вам право на чье-либо имущество? Вы хоть с юристом советовались?

– Позвольте! – вскричал иностранец. – Вот завещание, – он раскрыл одну из папок с золотым тиснением. – Прошу убедиться, это копия настоящего документа 1899 года, с автографом самого графа, выполнен на английском и русском языках, в превосходном состоянии.

Он принялся читать:

– Параграф осьмнадцатый. Весь принадлежащий мне денежный капитал, недвижимое и движимое имущество, находящееся с 1899 года по 1999 в доверительном попечении, в том числе благоприобретенное имение мое, со всеми пахотными и сенокосными землями, со свеклосахарными заводами в Киевской и Харьковской губернии, завещаю передать безо всяких условий в полную собственность моему ближайшему потомку на момент истечения вышеуказанного срока доверительного попечения...

Девушка покачала головой.

– Видите ли, подобные завещания не имеют юридической силы, – сказала она. – За сто лет сменились государства и законы. После революции заводы и предприятия были национализированы. У тех, что сохранились, есть собственники, а права их охраняются государством... Не получите вы никакого наследства. Ни земель, ни домов, ничего. Это я вам как юрист говорю. Да и зачем вам это имущество? Налоги с него платить?

– Вы не понимаете, зачем? – удивился тот. – Разве вы не видите, что происходит? Имущество подверглось буквальному разграблению! Где процветающие фабрики и заводы? Где колосющиеся поля? Где все эти былые богатства? На земле моих предков вырыты какие-то компостные ямы, чтоб им провалиться! – Он перевел дух и продолжил, уже более спокойным тоном: – Взять хотя бы подземный монастырь – вы видели, в каком он состоянии? Историческая сокровищница подверглась нападению варваров, каких-то рогатых сектантов с людоедским мировоззрением!

– Вряд ли пещерам можно навредить, они же не сахарные, – сказала Надежда. – Там уже лет триста кто только не бродит, и туристы, и сектанты, и медведь может из леса заглянуть.

Рыжий человек пришел в неистовство.

– Как вы можете так рассуждать! Вы знаете, что в монастыре, по разным сведениям, захоронен сам граф? Вы хотите, чтобы могилу великого человека раскопал какой-то сектант или медведь?!

– Могила графа в монастыре? – девушка нахмурилась. – Но это всего лишь легенда, ничем не подтвержденная.

– Нечем не подтвержденная? – ядовито спросил иностранец. Он принялся неистово рыться в документах. – Вот, пожалуйста, слушайте!

Он принялся читать:

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Эти слова были им произнесены с таким торжеством, словно он собрался вызвать в свидетели сам дух покойного графа.

– 1899 года Июля 18-го дня, я, нижеподписавшийся Гермес Планкетт Уиллис (Велесов), дворянского звания, действительный статский советник, находящийся в здравом уме и твердой памяти, составил это духовное завещание...

Антон из интереса взглянул на листы бумаги с отпечатанным на них текстом. И что, в это время уже существовали пишущие машинки?

– Это Ремингтон 1895 года, – подсказал рыжий, словно угадав его мысли. – Полюбуйтесь, как сохранились оттиски! Но слушайте дальше!

Он продолжил:

– Параграф первый. Я желаю, чтобы по кончине моей тело мое было положено в деревянный гроб необитый парчею, перевезено до деревни Велесово на простых дрогах, запряженных парю лошадей, и предано было хранению в костницу подземного монастыря под горою, называемою Велесовой. Распоряжения по погребению тела моего прошу принять на себя моего сына, действительного тайного советника Гидеона Уиллиса Велесова. Аминь.

– Что такое костница? – спросил Антон.

Иностранец пожал плечами.

– Очевидно, место, где хранятся кости. Нечто вроде склепа, где хоронили членов семьи. Теперь, наконец, вы понимаете, как важно сохранить подземный монастырь в сохранности? Вы же сотрудник полиции, охрана памятников культуры – ваша прямая обязанность!

Услышав это, Надежда с удивлением посмотрела на Антона, словно увидела его впервые.

Он попытался изобразить на лице нечто вроде растерянности – что, мол, возьмешь с чокнутого.

– И где же находится эта, как вы говорите, костница? – спросила Надежда.

– Это не я говорю, – поправил ее иностранец, – а так гласит завещание графа. К сожалению, местонахождение семейного склепа неизвестно. В эту тайну были посвящены только самые близкие члены семьи...

– К которым вы, как видно, не относитесь, – заметила девушка. – Я уже начинаю сомневаться во всем, что вы тут наговорили. И в ваших родственных связях тоже. Информированы вы неважно. К вашему сведению, все ветви семьи Велесовых сохранилась и ее потомки живут в селе до сих пор.

Она поджала губы.

– Один из них – Феликс Велесов, законный владелец этого дома. Его отец, Владимир Максимович Велесов – внук Елизаветы Велесовой, которая приходится внучкой самому графу Велесову. То есть она приходится Феликсу прабабкой. И заметьте, не какой-нибудь троюродной, а самой родной прабабушкой.

Рыжие брови иностранца беспокойно задвигались.

– Позвольте-позвольте! – возразил тот, листая бумаги. – Вы о каком Велесове говорите? Вот, пожалуйста, я же нанимал юридическую компанию специально для этой цели. На запрос отвечают, что бывший владелец дома Феликс Владимирович Велесов пропал без вести двенадцать месяцев назад. Здесь нет никакого Феликса Велесова! – торжественно сказал он, размахивая какой-то бумажкой. – Думаю, на этом вопрос закрыт.

Обращаясь к Надежде, он продолжил:

– Кстати, у меня грандиозные планы по изучению истории семьи. Этот дом – настоящая сокровищница, и я собираюсь основательно его исследовать, и если для этого придется разобрать его на кирпичики, то я это сделаю. Как вы считаете?

Глядя на раскрасневшуюся Надежду, Антон начал серьезно раздумывать о том, чтобы взять нахального наследника за шиворот и вывести отсюда. Но девушка спокойно ответила:

– Феликса сейчас нет, это правда. Но он вернется. Не хочу портить вам грандиозные планы... но могу дать бесплатный совет юриста – возвращайтесь к себе домой, где вы там живете, в Швейцарии? Потому что ничего у вас не выйдет. Кроме того, Феликс не единственный наследник. Мне не хотелось говорить, но раз уж зашла речь... Я знаю человека, чья родословная происходит от Йена Уиллиса, старшего сына графа.

– И кто же этот человек? – насмешливо спросил иностранец.

– Я, – сказала Надежда.

Глава 8. Катран на Собачьем хуторе

В помещении полиции полным ходом шел ремонт. Туда-сюда сновали рабочие, долбил перфоратор, а где-то этажом выше истерически взвизгивала пила-болгарка.

В кабинет Решкина строители еще не добрались, поэтому здесь сохранялась рабочая обстановка и можно было разговаривать, не пытаясь перекричать электропилу.

– А ведь вы правы оказались, – заметил Решкин. – Большим хитрецом оказался наш Пылесос. Как оказалось, картежный притон прекрасно функционирует. Более того, по словам надежного источника, Павел Анатольевич из него не вылезает. Разочаровываешься в людях! – пожаловался он. – Вот наглядный пример, Антон Вячеславович, как трудно в наше время найти надежного информатора. Раньше эта профессия ценилась и работали не за страх, а за совесть. Сейчас же каждый мелкий стукач считает долгом соврать и запутать следствие...

Антон углубился в топографическую карту, что висела над столом. Замечательная километровка, правда, пожелтевшая и потрепанная временем. Отдельный интерес вызывали разнообразные заметки, часто ругательные, которыми карта была исчеркана снизу доверху. Иногда попадались номера телефонов, обычно сопровождаемые женскими именами – «Лена», «Вита», или же «Хозчасть», «Штырь»...

– Здесь находится хутор Собачий, – лейтенант ткнул карандашом в точку на карте. – Это полузаброшенное село километрах в пяти-шести от Велесово. Строений там в жилом состоянии немного. Собирается в тех местах всякий сомнительный элемент – уголовники, дикие туристы, бродяги. Но есть точные сведения, что в одном из домов идет большая игра.

– Будем брать? – оживился Антон. – Может, облаву устроить и окружить со всех сторон?

– Эка вы хватили, – усмехнулся оперативник. – Тут целая армия обученных людей нужна, а у меня на подобные ходы нет ни согласований, ни ресурсов. Единственное, что мы можем себе позволить, это прощупать обстановку деликатным образом. Например, под предлогом паспортного контроля...

Обнаружив на карте указанный хутор, Антон провел воображаемую линию от Собачьего к Велесово. Линия тянулась через сплошной лесной массив. Видимо, это был тот самый лес, который ему посчастливилось увидеть с горы сегодня утром. Сориентировавшись, он быстро нашел и Велесову гору, и даже карьер, который был обозначен соответствующим топографическим значком. Вот только пещерного монастыря, о котором он так много слышал, на карте не существовало.

– К сожалению, все процессуальные действия приходится согласовывать там, – лейтенант показал пальцем вверх. – Я представил оперативный план, но... получил отказ. Дескать, не время сейчас, нужны люди в другом месте. В общем, операция отложена на неопределенный срок.

– Надолго? – спросил Антон.

– Этого я сказать не могу. Может быть, на день, а может быть, и на год.

– На год? – поразился он. – Разве это возможно?

– Черт его знает, – признался оперуполномоченный. – В последнее время в нашем райотделе творится странное. Серьезные дела внезапно тормозятся или наоборот, из какой-нибудь ерунды раздувается преступление века. Это чтобы вы представляли обстановку, в которой приходится работать. Так что прошу извинить, что проехали сегодня понапрасну... Но не будем унывать! – бодрым голосом заявил он. – Пространство для маневра у нас еще осталось. Есть у меня кое-какие идеики...

Антон ожесточенно потер виски. Его мысли занимало другое. Судя по карте, хутор Собачий и карьер разделены лесным массивом. Чтобы попасть в карьер, рогатые с большой вероят-

ностью двигались через лес, по какой-нибудь тропке. Ну не с неба же они спустились? А по словам рыжего иностранца, сектанты проживали где-то неподалеку...

– А если провести проверку под другим предлогом? – спросил он. – Точнее, по другому делу?

Едва Антон начал рассказывать про утренний случай, как Решкин оживился:

– Ага, так это тот самый рыжий!

Выяснилось, что неугомонный иностранец успел всем намозолить глаза. Побывал он и в полиции, и в городской администрации, и даже в районном краеведческом музее.

– Любопытную он заварил кашу, – заметил лейтенант. – Парень, кажется, подал иск о вступлении в наследство и признании права собственности. Так значит, он претендует на графский дом? Ну что ж, в нашем государстве за иностранцами признается право на недвижимость. Но разумеется, в законном порядке, а не на основании каких-то столетней давности манускриптов. Вопрос в том, зачем иностранному подданному старый дом в чужой стране...

Он задумчиво постучал карандашом по столу.

– Говорите, увлечен историей семьи. Гм... Ну, о том, что Велесовы – бывшие Уиллисы, или Виллисы, давно известно, это секрет Полишинеля. А что касается подземного монастыря... В настоящее время от него остались кольцевая галерея и соединенные с ней три меловых пещеры, в которых попеременно ночуют то бомжи, то сектанты, то еще какие-нибудь экстремалы. Сами пещеры небольшие, никакой очевидной исторической ценности не представляют. Из пещеры ведут два или три коридора, которые заканчиваются тупиком. Предположительно, дальние кельи были завалены еще в шестнадцатом веке. Какая там историческая ценность?... Повсюду мусор и экскременты всех видов животных, включая хомо сапиенс. Я сам интересовался историей здешних мест и многое могу рассказать о промышленниках Велесовых и местных древностях. Это, Антон Вячеславович, сколь занимательная тема, столь и запутанная. Если нашему иностранному гостю есть что сказать по этому поводу, я буду только рад. Но эту идею относительно так называемого осквернения монастыря ему придется оставить. Эти ваши, как вы их называете...

– Рогатые, – подсказал Антон.

– Эти ваши рогатые сектанты, конечно, народ подозрительный. Но, простите, у них ровно столько же гражданских прав посещать эти меловые пещеры, как у товарища иностранца. Для того, чтобы признать эти помещения исторической ценностью, потребуется экспертиза и несколько лет на согласования в соответствующих инстанциях. Сомневаюсь, что у вашего нового знакомого на это хватит терпения. А что касается вашей идеи...

Лицо его разгладилось, словно он решил, наконец, некий сложный вопрос.

– Я сейчас пообщаюсь с нашим следователем Балабухой. Думаю, он даст нам зеленый свет. Например, на основании устного заявления от иностранного гражданина такого-то проводится рутинная проверка на территории хутора Собачий по поводу... скажем, нарушения общественного спокойствия и нормального отдыха граждан.

– А спецназ будет?

– А роту морской пехоты не хотите? К сожалению, придется рассчитывать только на свои силы. Впрочем, ваша помощь не помешает, потому что...

– Я знаю, с транспортом напряженка, – мрачно сказал Антон. – Я с вами, только пистолет дайте.

– Бог с вами, Антон Вячеславович! – усмехнулся тот. – Наше оружие – наблюдение, сбор информации, аналитическая работа... мы же преступления раскрываем, а не устраиваем стрельбы. Представьте, что вдруг нечаянно застрелим вашу Графиню. Кто же вам деньги тогда вернет? Нет, в этом деле лучше без пальбы. Тем более, что каждый случай применения огнестрела сопровождается тонной объяснительных. Даже если не виноват, по шапке получишь обязательно...

* * *

Действовал Решкин оперативно, во всяком случае уже через десять минут к автомобилю подошли два парня в гражданском, очевидно, те самые розыскники из кабинета за стенкой.

Первый выглядел как настоящий сыщик, в плаще с поднятым воротником и солнцезащитных очках. День только начинался, а он был готов к любой погоде, как к дождю, так и к солнечному дню. Второй по телосложению напоминал борца и сразу принял покровительственный тон.

– Слух пошел, что Решкин хочет тебя к нам взять, – сообщил он.

– Я еще не решил, – не стал отпираться Антон.

«Борец» критически оглядел Антона снизу доверху.

– Спортивная подготовка имеется? Мастер спорта? Что, даже не кандидат? Напрасно, у нас без мускулов никуда. Среди клиентов такие битюги встречаются, ой-ой-ой! У меня, скажем, разряд по тяжелой атлетике, фехтованию, дзюдо и самбо, а Женя чемпион УВД по стрельбе, вратарем в районной сборной по хоккею, марафон бегают...

Антон попытался вспомнить что-нибудь из спортивных достижений, но в памяти всплыл только школьный шахматный кружок, который он посещал несколько дней и успел освоить «детский мат».

– Ты это, задумайся, – посоветовал борец. – Честно скажу, работа неблагодарная. Хочешь вкалывать как бульдозер на оперативно-розыскных мероприятиях, пока награды вместо тебя получает начальник райотдела? Чувак, у тебя в перспективе двадцать четыре часа в сутки тесного общения с наркоманами и уголовниками. У одних СПИД, у других туберкулез, выбирай, что понравится. Вдобавок через несколько лет приготовься лечить алкоголизм, цирроз печени, язвенную болезнь и, как вишенка на торте, кучу неврозоз.

Оперативник фальшиво вздохнул и румяные щеки его скорбно задвигались. По его виду не было заметно, чтобы он страдал каким-то из перечисленных заболеваний.

– Да не преувеличивай ты так, – возразил «сыщик» и подмигнул Антону. – Оперативка, конечно, тяжелый хлеб. Но есть и приятные моменты. Все нормальные люди работают менеджерами там всякими, приходят вечером с работы, ужинают с женой и детками, шоу талантов смотрят по телеку. Скучища же. А у тебя другое шоу – весь вечер пилишь бомжу коренной зуб напильником, чтобы повесить на него лишний эпизод из ларька, потому что следак приказал. Исполняешь долг перед обществом, имеешь моральное удовлетворение.

– А ты готов подбрасывать наркоту приличным людям? – испытующе спросил «борец». – А кошмарить человека по голове томиком уголовно-процессуального кодекса, чтоб искры из глаз сыпались?

– Не готов, – признался Антон, с трудом представив себе эту картину.

– Вот такой он, нелегкий труд оперативника. Ты, кстати, женат?

Они переглянулись.

– Целый день на ногах, питание ни к черту – пирожки, доширак, паленая водка. Никаких тебе витаминов и так далее. Про то дело забудь, понял? Естественно, жена уйдет как в поле яблонь дым.

– Ну, допустим, жены у меня и так нет...

– И не будет, – убежденно посулил «борец». – Теперь никакая нормальная девушка за тебя не пойдет, с твоим-то окладом. Кому нужен несчастный опер! Глянь на Решкина – он дважды разводился, и все из-за бедности, он же нищий, как церковная крыса.

– Ну, допустим, Решкин это отдельная тема, – осторожно возразил тот, что был в темных очках.

Они разом замолчали, потому что дверца открылась и в автомобиль ввалился сам Решкин.

Лейтенант окинул их испытующим взглядом.

– Спрашиваю только раз – у кого огнестрел с собой?

Оперативники негодующе промолчали.

– Так, – скомандовал Решкин, – а ну марш бегом в дежурку, оставить оружие в сейфе.

Дубинки можете взять.

– Палкой бандюка не остановишь, – пробурчал «борец», с неохотой вылезая из машины.

– Просто вы не умеете правильно ею пользоваться, – вслед ему возразил лейтенант. –

Иной раз палка поэфффективней будет. – Мне тут перестрелки в духе чикагских гангстеров не нужны, – объяснил он, обращаясь уже к Антону. – Это же молодежь, они безбашенные. Примутся палить как из пулемета, а мне потом объяснительные строчить по каждому случаю применения.

Когда вернулась молодежь, Решкин обрисовал диспозицию:

– Имейте в виду, что прибыть в хутор Собачий нам нужно с северной стороны, чтобы не засветиться раньше времени. Придется дать крюк через поля. Конечно, все равно вычислят, но нам важно выиграть время.

Антон спросил:

– Вы думаете, что Вачковские сейчас там?

– Графиня с дочкой? Надеюсь, что так, хотя полной уверенности нет.

Он пояснил:

– Игровые, то есть картежники, собираются в катран к вечеру, чтобы играть всю ночь, и утром ожидается самый разгар игры и, как следствие, большая касса. В такое время высока вероятность, что наши девицы будут на месте.

Скоро асфальт закончился и они свернули на узкую грунтовку, которая прорезала кукурузное поле. Ширины дороги тут едва хватало, чтобы проехать одному. С обеих сторон плотным частоколом выстроилась кукуруза выше человеческого роста, чуть ли не заслоняя солнце. Катясь по этому пыльному туннелю, Антон безрезультатно ломал голову, как разминуться со встречной машиной, буде такая встретится на их пути. На его счастье, дорога оказалась пустынной.

Во время движения его спутники помалкивали. Когда кукурузный тоннель закончился и автомобиль выскочил на открытое пространство, Решкин нарушил тишину:

– Антон Вячеславович, будьте добры здесь притормозить.

Впереди показались строения, за ними виднелся лес. Вместо дорожного указателя с названием населенного пункта на околице лежал здоровенный валун, на котором было просто и понятно выведено белой краской: «Х. Собачий». Словно оправдывая название, издали донесся собачий лай.

Лейтенант повернулся к оперативникам.

– Притон расположен в одном из домов по улице – тот, что с зеленой крышей. По данным информатора, во дворе и прилегающей территории припаркованы автомобили. Как только мы разворошим это гнездо, посетители разбегутся по своим транспортным средствам. Наша задача – не препятствовать им в этом, а вести наблюдение и выявить подозреваемых согласно ориентировке. Если представится случай, то производить задержание. Если случай не представится, то собрать максимум информации – номера машин, приметы и так далее. Все ясно?

Лейтенант обратился к «сыщику»:

– Евгений, ты направляешься полями наискосок по направлению к дому под зеленой крышей. Спутать трудно, там весь двор уставлен автомобилями. Твоя задача – прикрыть путь отхода через задний двор. Скорее всего, шнырь рванет в поле. Затеряться в двухметровой кукурузе там проще всего. Ты уж постарайся не зевать.

«Сыщик» солидно кивнул и выбрался из машины.

– Шнырь – это что такое? – почему-то шепотом спросил Антон.

– Посыльный с кассой, – пояснил оперативник. – При шухере первым из притона выско-чит человек, обычно незаметный, на которого просто так внимания не обратишь. Задача шныря состоит в том, чтобы унести деньги, которые были поставлены на кон. Деньги боль-шие... Если поймаем шныря и возьмем кассу, то уже можно сказать, что съездили не зря.

От того места, где их покинул «сыщик» Евгений, до первого деревенского дома остава-лось метров пятьсот. Не успели они подобраться поближе, как из прорехи в заборе высунулась обеспокоенная собачья морда и твякнула раз-другой. Вслед за ней, как по команде, истощным лаем залилась вся деревня.

– Эк их проняло... Тут тебе никакой сигнализации не надо, – проворчал Решкин.

Посреди улицы пролегли две глубокие и широкие колеи, словно выдолбленные гусе-ницами танка. Выбраться из этого фарватера не удавалось и автомобиль трагически скреже-тал днищем, продвигаясь вперед, пока Антон скрежетал зубами, прикидывая, во сколько ему обойдется ремонт подвески.

Здесьние жители, очевидно, были лишены комплексов и заборов не признавали принци-пиально. Весь их немудреный быт без стеснения открывался любопытным взглядам. Некото-рые участки носили признаки первичного хозяйствования – на огородах кучерявилась зелень, где-то кукарекал петух и звякала цепь от колодца. Но чаще всего глаз наткнулся на фунда-мент с остатками разрушенных стен, заросший лопухами и молодыми березками, между кото-рыми дремали разморенные на жару бродячие псы. По сравнению с Собачьим хутором деятель-ное и опрятное Велесово казалось модным швейцарским курортом. Разруха и безысходность, царившие вокруг, были настолько образцово-показательными, что заслуживали какой-то офи-циальной награды.

Дом, в котором собирались картежники, отличался от соседних в лучшую сторону уже тем самым, что мог похвастаться забором. Любовно набранный из деревянных планок от кар-тофельной тары, забор был высотой по колено, но все-таки это был забор. Внутри и сна-ружи двора было припарковано несколько автомобилей, от Тойоты-Короллы девяностого года до свежих на вид немецких и японских седанов. Социальный статус гостей, похоже, был пест-рым. Имелся даже один внедорожник Лексус, водитель которого проигнорировал забор и по-хозяйски придавил его колесом.

В самом доме обозначилось шевеление, в окне дернулась занавеска. Между трухлявым сараем и крыльцом промелькнула тень.

– Я вижу, нас уже засекли, – заметил лейтенант, – поэтому не будем терять времени. Антон Вячеславович, вы оставайтесь здесь и внимательно следите за всеми, кто покидает дом. Я зайду со стороны соседского участка, но постараюсь находиться в прямой видимости. Двига-тель пока не глушите. Есть у меня ощущение, что события будут развиваться стремительно...

– А мне что делать? – спросил «борец», разминая кисти рук.

– Ты, Марик, остаешься в машине, – сказал Решкин. – Как обстоятельство непреодоли-мой силы.

Смысл этих слов Антон понял позже, а пока он с удивлением наблюдал, как из окон-ной форточки, куда с трудом втиснется футбольный мяч, вылезает наголо стриженный парень в майке-алкоголичке. По-кошачьи мягко приземлившись на траву, парень без промедления вскочил и рванул в сторону кукурузного поля.

– Шнырь с кассой побежал, – с видом знатока сказал «борец». – Ну, Евгеша его сейчас отработает.

В глубине души Антон был настроен скептически. От всей затеи за километр веяло диле-тантством. Ни тебе тройного кольца сцепления, ни оперативного подавления электросигналов,

ни глушилок сотовой связи. Даже снайперы на соседних крышах не предусмотрены. Сомнительно, что таким образом можно задержать даже шныря, не говоря уже о настоящих бандитах.

– Уважаемые граждане! – донесся до него зычный голос Решкина. – Просьба сохранять спокойствие! Сотрудниками районного отделения полиции проводится плановый рейд с целью профилактики бытовых правонарушений. Просьба всех, кто не имеет регистрации по данному адресу, покинуть помещение... Повторяю...

Минуты две в доме стояла тишина, словно его обитатели не могли поверить в случившееся. Антон даже засомневался, что хоть кто-нибудь вообще покинет это злчное место. Возможно, гости займут оборону и им придется брать дом штурмом.

Но тут словно прорвало.

Хлопнула дверь, и из нее разом повалили люди – поодиночке и парами, одни оглядываясь и спеша, другие неспешным шагом и молча. Кто-то коротко засмеялся, глядя на Решкина, который с невозмутимым видом встречал их прямо у двери, как статуя, мешая выходящим, так что им приходилось обтекать его с двух сторон.

Антон вглядывался в лица с таким напряжением, что у него заслезилась глаза. Дело осложнялось тем, что за ухом у него пытел «борец», который изредка подавал реплики, вроде: «Смотри, не пропусти!» и «А вот похожая тетка, это не она?». Антон отрицательно кивал, боясь отвлечься и упустить момент. Его преследовала мысль, что тот, кто ему нужен, этим путем не пойдет. Возможно, что для Графини был предусмотрен другой выход, но какой?

– Гляди-ка, поп! – удивился «борец». – Неужели тоже в картишки балуется?

Блестя очками в золотой оправе, с крыльца спустился батюшка в клобуке и темно-синем подряснике до пят. В одной руке он держал четки, в другой наготове ключи от автомобиля, всем своим видом показывая, что задерживаться ему здесь нет никакого резона. Пикнув сигналкой, батюшка отворил дверь «Лексуса», подобрал подрясник и водрузился на место водителя. На мгновение мелькнула нога священнослужителя, почему-то обутая в изящную женскую туфлю на невысоком каблуке. Антон еще не успел ничего сообразить, а батюшка уже запустил двигатель.

– Это не поп, – пробормотал Антон. – Это не он. Это – она!

Вспыхнул фонарь заднего хода и «лексус» тронулся с места, намереваясь развернуться.

Вывернув руль влево, Антон резко придавил педаль акселератора, отчего автомобиль прыгнул, преграждая путь внедорожнику. Взвизгнув шинами, джип встал, как вкопанный. Сквозь стекло было видно, как фальшивый поп озабоченно крутит головой из стороны в сторону, пытаясь найти выход из ситуации. Теперь у водителя «лексуса» оставалось два варианта – либо таранить Антона задом, чтобы освободить дорогу назад, либо прокладывать путь вперед, во двор, где толпились люди и другие автомобили. Любой из этих вариантов не сулил ничего хорошего. Расталкивая «гостей», быстрым шагом к ним двигался Решкин, на ходу бросая команды по рации. С решительным видом «борец» взялся за ручку двери, готовясь выпрыгнуть из «жигулей» Антона.

И тут произошло неожиданное. Взревел двигатель, ветхие ворота сарая распахнулись, и оттуда выкатился ярко-красный мотоцикл, за рулем которого находился человек в закрытом шлеме. В ту же секунду поп выпрыгнул из «лексуса» и бросился к мотоциклу, на ходу подтягивая подрясник и сбрасывая туфли. Открылись затянутые в чулки женские ноги. Клобук мнимого попа свалился, обнажив жгуче-черные волосы, стянутые в пучок на затылке. Теперь стало очевидно, что это женщина с головы до пят. В тот момент Антон не поручился бы, что это та самая «Матвеевна», но характер ее действий говорил сам за себя.

События развивались стремительно. Выпрыгнув из машины, «борец» Марик рванул наперерез мотоциклу, и тут Антон понял, что имел в виду Решкин, когда говорил про обстоятельство непреодолимой силы. Обычный же человек не побежит навстречу несущемуся мотоциклу.

Антон зажмурился в тот момент, когда Марик прыгнул на мотоцикл, раскинув руки, словно пытаясь его поймать.

Столкнувшись с железным конем, «борец» отлетел в сторону, но ход этой махины резко замедлился, а водитель, кувыркнувшись через руль, вылетел из седла. Оставшись без управления, мотоцикл полетел кубарем, упал на бок и вспахал пару метров земли. Не растерявшись, женщина в подрыснике метнулась к мотоциклу, двигатель которого чудом не заглох, прыгнула в седло и дала по газам. Через секунду мотик уже перепрыгивал через обочину, продолжая нестись в сторону лесополосы и оставляя за собой клубы пыли.

Еще несколько мгновений, и мотоцикл с седоком окажется в недостижимости среди деревьев, где преследование его на автомобиле станет бессмысленным. Решкин что-то крикнул, но Антон не услышал, что именно. Его вниманием завладел незадачливый мотоциклист. Краем глаза Антон увидел, как тот встал на корточки, очевидно, приходя в себя. Шлем с него свалился, но тот не обратил на это внимания. Встав на ноги, он быстрым шагом, хоть и прихрамывая, направился на задний двор в сторону поля.

Повинуясь инстинкту, Антон побежал за ним.

Услышав шаги, мотоциклист обернулся, и тут Антон его узнал. Это был Пылесос, или Павел Анатольевич Кожехуба. Автор экспресс-метода по ускоренному распиванию спиртных напитков.

Лицо бывшего учителя исказилось, и он захромал еще быстрее. Из-под его куртки выскользнул какой-то пакет, но беглец этого не заметил. Не оглядываясь, он спешно ковылял в сторону кукурузного поля. Антон на ходу подобрал обмотанный скотчем пакетик и сунул его за ремень.

Он собирался настигнуть убегающего в два счета, но не учел того, что Пылесос, даже хромя, умудрялся двигаться с приличной скоростью.

Еще не достигнув края поля, Антон понял, что сильно переоценил свои силы. На его глазах Пылесос нырнул в кукурузу и растворился в зеленом море.

Не теряя темпа, Антон кинулся за беглецом.

Правда, очень скоро выяснилась неприятная вещь. Преследовать кого-либо в гуще этого геометрического леса из тысяч одинаковых стеблей было бессмысленно, если не знать точного направления.

Первое время Антон передвигался, ориентируясь на неопределенный шелест стеблей где-то вдали, но через несколько минут наступила тишина и он принялся топтаться на месте, злясь на хитрого Пылесоса, который не предупредил, в какую сторону побежит. Он попробовал идти по следу, подобно индейцу из романов Фенимора Купера, но на его беду, никаких отпечатков вокруг не нашлось, кроме своих собственных.

Возможно, хитрец затаился где-то неподалеку.

Отчаявшись, Антон закричал:

– Павел Анатольевич! Выходите!

Антон не знал, в какой стороне прячется беглец, поэтому на всякий случай прокричал эти слова вверх, запрокинув голову, словно обращаясь к небесам. Он сам понимал, что звучит это как-то жалко, но попробовать стоило.

Сверху солнце уже здорово припекало, и страшно было подумать, что будет после полудня.

Конечно, Пылесос не отозвался. Дурак он, что ли.

Теперь стало понятно, что этот тип не просто мелкий деклассированный элемент, а фигура серьезная, доверенный человек Графини, или даже соучастник ее преступлений. Теперь, когда причастность Пылесоса к бандитам можно считать доказанным, его нужно разыскать и допросить. Но разве это дело Антона?

Нужно было возвращаться назад, но тут он вспомнил о пакете. Он попробовал надорвать хоть уголок, но пакет был надежно обмотан скотчем и не поддавался. Внутри нащупывалось нечто плотное, прямоугольной формы. Неужели пачка денег? Если так, то это наверняка та самая касса, которую по каким-то причинам доверили Пылесосу. Что ж, еще один довод в пользу того, что этот человек вовсе не тот, за кого себя выдает.

Потоптавшись, Антон поплелся, как ему казалось, в обратную сторону.

По его расчетам, нужно было пройти метров двести в обратном направлении, чтобы выйти к дому с зеленой крышей. Он брел минут десять, время от времени подпрыгивая и пытаясь разглядеть, куда он, собственно, движется. Каждый раз перед ним расстилалось зеленое море без конца и края. Очевидно, при движении он забирал влево, и похоже, сделал круг. Пришлось признать самому себе, что он полностью потерял представление, где север, где юг, а где Собачий хутор.

Он вынул телефон и включил навигатор. Пока он пытался поймать глазами точку на карте, с высокого стебля ему за шиворот свалилось какое-то насекомое и принялось шастать по спине, как у себя дома. Пока он искал нахальную тварь, экран погас и устройство окончательно умерло. Тут-то Антон вспомнил, что так и не подзарядил аккумулятор...

Значит, телефона у него теперь нет. Осталось надеяться на знания, накопленные человеком.

Насколько он помнил по карте, нужно двигаться на север. Где же этот север? Единственное, что он помнил из уроков географии, так это что на северной стороне деревьев растет мох. И что теперь делать? Двигаться по кукурузному полю, пока не встретится дерево с мхом? С таким же успехом можно ожидать впереди киоск с прохладительными напитками.

Его охватило чувство, близкое к панике. Некстати пришло в голову, что теперь из преследователя он может превратиться в жертву. А если Пылесос вдруг решит отобрать свои деньги? Например, подстеречь и напасть в одночасье, в безмолвной тишине кукурузы?

В сумрачных зарослях было тихо, только между спелых початков зудели мелкие летающие жучки. Очевидно, родственники и друзья того, кто забрался ему за шиворот. Антон перевел взгляд на землю, изучая грунт, в надежде обнаружить свои собственные следы. Ступая по следам, можно вернуться назад. И тут он сделал маленькое открытие. Раньше он просто не обращал на это внимания, но теперь стало очевидным, что кукуруза высажена не хаотически, а рядами. Ему пришло в голову спасительное решение. Он тронулся вдоль ряда, стараясь придерживаться линии. Рассуждая логически, двигаясь по прямой, он рано или поздно доберется до границы поля и выйдет из заколдованной кукурузы.

Несколько минут он пробирался, старательно придерживаясь прямой линии движения. Когда, наконец, сквозь стебли показался просвет, он готов был кричать от счастья. Но скоро радость его поухнула.

Кукуруза закончилась, и он очутился на меже, которую обозначала неглубокая канавка. Перед ним расстилалось новое поле. Из аккуратных, словно вычерченных по линейке, грядок торчали белоснежные головки с пучком коротких фиолетовых стеблей, увенчанных разлапистыми листьями с прожилками. Со всех сторон поле было огорожено кукурузой, словно оградой.

Это было поле внутри поля. Интересно, так задумано? Хороший способ спрятать несколько гектар от любопытных глаз.

За полем явно ухаживали – междурядье было старательно взрыхлено и выполото, не оставлено ни одной травинки, а почва около корешков носила следы влаги. Похоже, насаждения поливали совсем недавно.

Насколько Антон разбирался в сельском хозяйстве, это могли быть корнеплоды, репа или турнепс какой-нибудь. Пройдя несколько шагов по меже вдоль поля, Антон наткнулся на столбик с предупредительной надписью.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ УЧАСТОК
ОРГАНИЧЕСКАЯ СВЕКЛА
СОРТ «BETA HERMETIS»
НЕ ОПРЫСКИВАТЬ!

Свекла! Ну конечно! Он уже знал, что местный колхоз знаменит разнообразными сортами свеклы. Он машинально сорвал листочек и растер его в руке. Запах оказался приятным, напоминающим ваниль. Это нормально, вообще? Разве свекла так пахнет?

Он задумался. Beta Hermetis? Где-то ему встречалось это латинское выражение. Но сейчас его больше интересовало, как отсюда выбраться.

Решив двигаться под прямым углом от границы экспериментального участка, он углубился в кукурузу и продолжил путь, в надежде выйти хоть куда-нибудь. Через десять-пятнадцать минут он услышал звуки вдалеке. Кажется, где-то работал двигатель. Он вздохнул с облегчением. Там, впереди, была цивилизация. Он глянул на часы и с удивлением обнаружил, что его путанные маневры по кукурузе заняли всего около часа с небольшим. Ему казалось, что он бродит здесь чуть ли не целую вечность.

Скоро Антон выбрался на чей-то огород или, скорее, бахчу, где под желтыми от зноя листьями развалились пухлые тыквы. За огородом виднелся дом и хозяйственные постройки. Где-то за забором слышалось бормотание гусей, и изредка заливался петух.

Это место не слишком напоминало Собачий хутор. Кажется, он так основательно заплутал, что вышел в какое-то другое село. Дернул же его черт погнаться за Пылесосом!

Шагнув через плетень, отделяющий бахчу от участка, Антон оказался на заднем дворе. Хозяев поблизости не было видно, но из приоткрытого окна доносился чей-то голос. Окно находилось как раз напротив палисадника, усаженного декоративной травой. Твердо намереваясь выяснить, где он находится, Антон подошел поближе, как вдруг понял, что голос ему знаком.

Поневоле он прислушался. Да, стоять и подслушивать у чужого окна не слишком красиво. Скорее, совершенно некрасиво. Высокоморальный, культурный человек не стал бы этого делать. В этом Антон полностью отдавал себе отчет. После такого постыдного случая назвать себя культурным человеком он уже не сможет. Это хуже, чем кофе назвать средним родом. Но любопытство, как обычно бывает, легко уложило на лопатки культурный код.

Самое странное было в том, что знакомый голос говорил на незнакомом языке. То есть голос был Антону знаком и он мог поклясться, что слышал его совсем недавно. А язык он не понимал совершенно, хотя некоторые обороты и специфическое произношение взрывных согласных было ему знакомо, в основном по шпионским фильмам, которые он смотрел в детстве. Хенде-хох, цвай-цюрюк, в этом роде.

Теперь у него не оставалось сомнений, что знакомый голос говорил на немецком языке. Любопытно было то, что между пулеметной очередью из слов следовали паузы. Тра-та-та-та – пауза. Тра-та-та-та – пауза. Скорее всего, кто-то разговаривал по телефону.

И тут Антон совершил ошибку. Он постучал в окно.

Нормальная практика состоит в том, что гости стучатся в дверь и смиренно ждут, пока хозяева не откроют. Если гости принимаются стучать куда попало, то рискуют лишиться священных защитных свойств гостеприимства.

Антон постучал в окно – частично из нетерпения, частично из ложного представления, что в экстремальной ситуации, в которой он оказался, обычными правилами можно и пренебречь.

Голос умолк. Занавеска на окне чуть отдернулась, но увидеть что-либо в образовавшуюся щелочку было невозможно. Тогда Антон помахал рукой, чтобы его наверняка заметили.

Чтобы показать дружественные намерения, он даже принялся махать обеими руками, пытаясь рассмотреть движения теней в окошке.

Когда сзади послышались легкие шаги, Антон хотел обернуться, но не успел. Удар сзади по затылку свалил его на траву и наступила темнота.

Глава 9. Сектант

Он лежал, раскинув руки, а в небе над ним парили облака, переключаясь и бормоча что-то неразборчивое. «Кыш-кыш, – хотелось ему сказать, – разлетались тут!». Одно облако спустилась ниже и заглянуло ему в лицо добрыми синими глазами. У облака оказались волосы как солома, и россыпь веснушек на скулах. Антон видел, как шевелились губы, но слышал лишь слабое бормотание.

Внезапно он почувствовал легкость, словно земля под ним исчезла, и его охватило блаженное чувство парения. Он закрыл глаза и полетел, покачиваясь, в темноту.

Когда он открыл глаза и снова увидел небо, то удивился тому, что солнце уже перевалило зенит. Это сколько же времени прошло? Он лежал навзничь на твердой земле, только под голову кто-то заботливо подложил пучок травы. Его мучила жажда, а голова раскалывалась и гудела, как колокол. Держась руками за голову, словно это могло предохранить ее от того, чтобы развалиться на части, он приподнялся. Увидев рядом кружку с водой, он схватил ее и принялся жадно глотать воду, пока не выпил до дна. Это была, очевидно, не обычная вода, а травяной настой со сладковатым привкусом. Так или иначе, но он почувствовал себя гораздо лучше.

Место, где он находился, напоминало крестьянский двор или ферму. Пахло навозом и сеном, которое сушилось под навесом, сооруженным из неструганных досок. Где-то неподалеку блеял барашек. В птичнике гомонили куры, а из хлева выглядывала коровья морда с влажными шевелящимися ноздрями.

Посреди этого животноводческого хозяйства было странно обнаружить человека, мирно развалившегося в кресле-качалке. Антон с удивлением рассматривал его, в то время как тот смотрел на Антона безо всякого любопытства, как на очевидное и легко предсказуемое явление.

– Ну, здравствуй, животное, – сказал человек, улыбаясь.

В улыбке его не было ни издевки, ни презрения, а глаза излучали спокойствие и даже благожелательность.

У Антона создалось впечатление, что человек не задался целью его оскорбить, обращаясь к нему таким образом. Но он явно нарывался на неприятности, здороваясь вот так с незнакомыми.

По виду это был классический красавец стандарта индийского кино – жгучий черноглазый брюнет с пышными усами и бородкой, при этом его густые волосы были разделены аккуратным пробором и скреплены красной ленточкой. Из выреза белой сорочки, украшенной ромбическими узорами, выростала короткая мускулистая шея штангиста. Для более полного соответствия канону ему не хватало точки на лбу и звуков ситар, разогревающих танцевальную массовку.

Антон задал вопрос, естественный в данной ситуации:

– Где я?

– Это село Водяное, – дружелюбно ответил человек.

– Водяное? – Антон был сбит с толку. – А Собачий хутор далеко отсюда?

– Не сказать чтобы слишком, – заметил человек. – Расстояние зависит от того, какой путь выбрать. Если двигаться по опушке леса, то отсюда километра три. А если напрямик через кукурузное поле, то гораздо ближе.

Антон сразу вспомнил свои злополучные блуждания по полям.

– Вот так напрямик я и шел, – признался он, – но, кажется, заблудился.

– Пожалуй, если не знать местности, то можно и заплутать. Это дело нехитрое, здесь же и дорог как таковых нет. Но как вы попали в Березнянку?

– Куда?

– Это то место, где вас нашли. Оно расположено ниже по течению реки, сразу после Велесово. Ну хоть Велесово вы знаете?

– Еще бы не знать, я там живу, – возразил Антон.

До этого человек отвечал с вежливым равнодушием, но после этих слов посмотрел на Антона с неожиданным интересом.

– Значит, вы из Велесово? В таком случае зачем вам Собачий хутор?

– Я искал одного человека, – осторожно сказал Антон, – но заблудился...

– Мои люди нашли вас на окраине Березнянки, где вы лежали в канаве без сознания. Что случилось, если не секрет?

Антон вздохнул.

– Кажется, кто-то ударил меня сзади. По голове...

Человек нахмурился.

– Нечто подобное я подозревал... Странный случай. Такой удар, чтобы потерять сознание, это... Вы, должно быть, серьезно разозлили кого-то из местных обитателей. Может быть, любовное приключение?... Подкатили к местной барышне?

– Это вряд ли... – кисло ответил Антон. – Я тут всего несколько дней, практически никого не знаю...

– Позвольте угадать... – тот прищурился. – Покинули большой город? Решили вернуться к истокам в духе Жан-Жака Руссо? Кажется, теперь это входит в моду.

Он выслушал несколько уклончивые пояснения Антона и сказал:

– Что ж, это мне знакомо... Я и сам предпочитаю дух природы унылому городскому существованию. Это одна из причин, почему я здесь.

Человек откинул плед, прикрывавший его колени, и встал на ноги, опираясь на кривую узловатую палку, напоминающую окаменевшую змею.

Глядя на него, Антона наконец осознал, что правая нога у этого черноволосого красавца была лишена подвижности. Перед ним стоял инвалид, калека.

– Видимо, нам стоит познакомиться, – сказал человек. – Меня зовут отец Авгий. Я представляю здесь коллектив единомышленников, людей просветленных. Здесь, в этом царстве чистой природы, мы ухаживаем за животными и растениями и находим в этом источник жизненной силы и смысл бытия, если хотите...

И тут Антон наконец-то сообразил, куда он попал.

– Так это вы!.. «Рогатые сектанты», – чуть не вырвалось у него, но он вовремя прикусил язык.

– Могу представить, как широко разнеслись о нас слухи, – усмехнулся хромой. – Некоторые из деревенских считают нас исчадием ада, другие – черными колдунами, а остальных раздражают наши ритуалы и одежда. В которых, собственно, ничего inferнального нет...

– Но рога-то на голове вам зачем? – не утерпел Антон.

– Да, с рогами как-то неудобно получилось, – согласился человек. – Для деревенских они как красная тряпка для быка. Хотя для человека образованного очевидно, что это всего лишь символ, вещь метафорическая. Наши рожки свидетельствуют о том, что мы суть животные, а те немногие человеческие качества, которыми мы можем похвастаться, лишь тонкая оболочка, легко сметаемая животными страстями...

– Но зачем вы оккупировали подземный монастырь? – спросил Антон. – Что вы там делаете?

В глазах собеседника промелькнуло легкое недоумение.

– Это вы о чем? Уверяю, нам в голову не приходило что-либо оккупировать. Тем более целый монастырь... Правда, наша группа проводит тренинги в районе мелового карьера, где

расположены подземные пещеры. Прекрасная площадка, и пользуется большой популярностью у заказчиков...

– Тренинги? – Антон пребывал в некотором ступоре.

– Совершенно верно, практикумы по работе с персоналом, – объяснил отец Авгий. – У меня даже есть заместители, которые отвечают за это направление. Кроме духовных поисков, приходится зарабатывать на хлеб насущный.

– У вас есть заместители? – вытаращил глаза Антон.

– Разумеется... Наш центр представляет собой довольно большое предприятие. Кроме духовных практик, мы занимаемся животноводством, работаем на органической ферме, устраиваем свадьбы и праздники... А мои управленческие возможности ограничены этим, – он перевел взгляд на свой посох.

– А ритуалы, костры – это все зачем?

Тот усмехнулся.

– Оказалось, что подобная мифогенная модель имеет спрос на рынке услуг. В игровой форме раскрываются личные качества подчиненных, укрепляется мотивация и снижается риск кадровых потерь... Если интересно, могу дать контакты нашего представителя.

– Значит, ваши люди вовсе не живут в пещерах?

– Ни в коем случае! – заверил его отец Авгий. – Да и как там жить? Антисанитария, грязь и сырость... Хотя да, пещеры нас интересуют. Это место духовной силы, откуда мы черпаем энергию...

Откуда-то из-за курятника вдруг появилась высокая светловолосая дивчина в белой узорчатой сорочке и белой же юбке до пят. На усыпанном конопушками лице сияли громадные синие глаза.

– Вот, кстати, и ваша спасительница, – сказал хромой. – Позвольте вас познакомить... Зорька вместе с Пеструхой обнаружили вас и привезли к нам. Я надеюсь, что вы не в претензии, – он улыбнулся, открыв крупные белые зубы. – Ближайшая больница находится в Мелогорске, а путь туда слишком долг. Мы решили оказать вам первую помощь своими силами...

Значит, это был не сон! Вот кто ему тогда привиделся...

– Так меня сюда... принесли? – неловко спросил Антон. Он сгорал от неудобства, ощущая на себе неотрывный взгляд сияющих глаз.

– Зоренька, расскажи нашему гостю, как все произошло.

– Я его на холку посадила, – неожиданно низким голосом сказала девушка со странным именем Зорька, ласково глядя на Антона. – Он и не тяжелый совсем, сидит себе и сопит. Пеструха хотела его бросить, а я не дала.

– Подожди, животинка моя, ты уж с самого начала расскажи.

– Мы утром в лесу паслись, – сказала девушка, – ягод с травами набрали, чабреца, солодки. Когда вышли к Березнянке, глядь – он лежит в траве у околицы. Испугались, а ну как мертвяк, не дышит. Нет, гляди, живой, только белый. Пеструха говорит – зырь, мобильный. Я говорю – дура, что ли. Человек лежит весь белый, спасать надо, а ты...

Антон машинально потянулся, проверил – мобильник был на месте. Кстати, и пакет с деньгами по прежнему находился за ремнем. Однако...

– Говорю Пеструхе – не трожь, – продолжила она. – Мы его домой, кисляком отпоим. Жалко, если помрет. Она говорит – кто понесет, он же килограмм сто? Говорю – я понесу. Я Буренку несла, когда у нее щепка в копыте застряла.

В голове у Антона все запуталось. Зорька несла Буренку? Это о чем вообще? Что у них за имена такие странные, как клички у коров?

Отец Авгий опередил его.

– Я догадываюсь, о чем вы хотели бы спросить... – с улыбкой сказал он. – Дело в том, что наши братья и сестры носят имена тех животных, за которыми ухаживают. Человека и живот-

ное, что связаны одним именем, мы называем идеальной парой. Мы верим, что после смерти сестры Пеструхи ее душа перейдет в тело ее сестры-коровы, и наоборот.

– Я этой сестре-корове так и говорю – как же его оставлять? – продолжала девушка Зорька. – Он тихонько лежал, потом глаз открыл. Я ему говорю – живой? А он говорит, живой, потому что это истина, а истина есть субстанция. Еще говорит, есть верхний мир, а есть нижний, только к нему ключ нужен, а в нижнем мире есть солнце, которое по-настоящему камень, а из камня растет стебель. А стебель это совершенство, из которого тоже кто-то растет, только я забыла...

Антон закрыл глаза, представив себе картину, как он лежит в какой-то канаве и несет эту чушь, по неизвестной причине застрявшую у него в голове.

– Ну, это я, пожалуй, на солнце перегрелся...

– Солнце, говорите? – переспросил отец Авгий. – Верхний мир? – теперь он с нескрываемым интересом и даже некоторой тревогой смотрел на Антона. – Любопытная космогония, хотя и не слишком оригинальная...

– Он и про богов говорил, – заметила девушка по имени Зорька, очевидно, довольная тем, что ей досталась роль важного свидетеля.

– Это каких же богов, Зоренька? – осведомился хромой.

– Да всяких... – сказала та. – Он, как на холке у меня ехал, все мычал, как теленочек, но я разобрала. Гермес, говорит, Зевс, Аполлон... и другие. Они, говорит, ключ к нижнему миру.

– Гермес? – удивился отец Авгий. – Вы говорите, Гермес?

Антон замялся.

– Сам не понимаю, что это значит. Бредил, наверное...

Он увидел, как желваки на скулах отца Авгия задвигались. Черные глаза вперились в него пронизывающим взглядом.

– Удивительное совпадение, – пробормотал он. – Поразительно! Сначала ключ к нижнему миру, затем стебель, растущий из камня, а теперь Гермес!.. Что же это может значить?

Нахмурившись, он сделал знак Зорьке и та скрылась так же внезапно, как и появилась. Пожалуй, дисциплина в коллективе просветленных была не хуже, чем в прусском гренадерском полку. Недаром их главарь не расставался со своей палкой...

– Мне показалось, что вы спешили, – вдруг сказал хромой. – Я провожу вас.

Опираясь левой рукой на посох, а правой приобняв Антона за плечи, не давая ему шанса увернуться, он уверенно повел гостя по кирпичной дорожке, которая пересекала двор. Они миновали огромный бревенчатый дом, где очевидно, проживали члены этой странной животноводческой секты. Отовсюду неслись звуки – мычали коровы, похрюкивали свиньи, где-то поблизости раздавался стук топора. На пути их попались два подростка в белых куртках, несущих по ведру с комбикормом. Мужик с голым торсом и в белых грязных штанах вычерпывал воду из ванны, в которой барахтались и клекотали гуси.

Антон задумался над тем, как просветленные поступают с теми, кто выращивает всякую мелкую живность, кур да гусей. Им-то какие имена предназначаются?

– Вы слышали о белокровице? – неожиданно спросил отец Авгий. – Это, как вы знаете, здешняя гордость, удивительная сельскохозяйственная культура.

– Кажется, это кормовой сорт такой? – Антон смутно припомнил, что где-то он читал нечто подобное.

– Если быть точным, это сахарная свекла... двулетнее растение с прекрасными показателями по сахарозе, фруктозе и так далее. Особенность белокровицы в том, что она произрастает только на местной почве, и даже более того, на одном единственном участке.

Он остановился и принялся чертить своей клюкой на земле непонятные знаки.

– Вот Велесово, – он ткнул палкой в один из значков. – Вот Водяное, вот Березнянка, вот Собачий хутор. А между этими селами расположен единственный участок, где растет бело-кровица.

С этими словами он соединил знаки в некую фигуру, отдаленно напоминающую округлость.

– А пересадить что, никак нельзя?

Отец Авгий отрицательно покачал головой.

– Были попытки выращивать этот сорт в другой местности. Однако, несмотря на одинаковый климат и состав почвы, ростки неизбежно погибали.

– А откуда вы все это знаете? – спросил Антон.

– Дело в том что мы уже давно ухаживаем за бело-кровицей на волонтерских началах, – объяснил он. – Это входит в наш договор с местным сельскохозяйственным предприятием. Мы занимаемся прополкой, подкормкой, поливом и так далее.

Антон вытащил из кармана фиолетовый стебель с пожухлыми листочками.

– Это?

Отец Авгий остановился. Он осторожно взял стебель и положил на ладонь, бережно расправив листья.

– Где вы его нашли? – спросил он, внимательно разглядывая обрывок ботвы.

– Кажется, я случайно забрел на этот ваш участок. Но почему свеклу выращивают внутри кукурузного поля?

– Видите ли, бело-кровица очень нежное растение, – пояснил тот. – Отношение к ней требуется крайне бережное, а кукуруза служит живой изгородью от ветров и создает на участке нужный микроклимат. Кроме того, это удобный способ спрятать посеы от... чужих глаз, скажем так.

Антон вдруг вспомнил предупредительные таблички, которыми был окружен участок

– Стоп. Подождите... Так значит, бело-кровица и бета герметис – одно и то же?

– Совершенно верно, – согласился отец Авгий. – Бета герметис – ботаническое название этой культуры. Бета – по-латински свекла. Уникальный сорт был выведен еще до революции, и назван в честь местного сахарозаводчика Гермеса Велесова. Бета Герметис буквально означает – свекла Гермеса.

Так вот оно что! Антон тут же вспомнил пожелтевший фронтиспис, где была изображена перевернутая масть пик, обвитая змеей... То, что он принял за пику, было стилизованным изображением свеклы. Сердце означало корнеплод. Венчик сверху – это розетка листьев.

– Значит, это всего навсего свекла? – вырвалось у него.

– Конечно... А вы что думали? – хромой человек посмотрел на Антона с плохо скрываемым подозрением.

– Я просто не понимаю, что такого особенного в сахарной свекле? Из нее ведь просто делают сахар?

– В основном, да. Но есть еще кое-что...

Скрипнула калитка в широких деревянных воротах. Они вышли на улицу и Антон увидел на входе сложенные из деревянных плашек буквы: «Реабилитационный центр «Росток».

Оказавшись за пределами своего предприятия, отец Авгий, казалось, вздохнул с облегчением.

– Пожалуй, проведу-ка я вас до опушки, – проговорил он. – Оттуда всего полчаса ходьбы до Собачьего хутора.

С каждым пройденным шагом отец Авгий мрачнел, с такой силой поднимая и опуская посох, словно хотел вбить его в землю. Через несколько домов они вышли на опушку леса, и здесь он замедлил шаг.

– Здесь мы можем поговорить спокойно.

Он стоял, опираясь на свой посох и прожигая собеседника немигающим взглядом. У Антона было чувство, словно его сканируют каким-то тайным устройством с целью проникнуть в мозг и вдоволь там поковыряться.

– Вы и вправду ничего не знаете о белокровице? – сверля его взглядом, спросил отец Авгий.

– Абсолютно ничего, – честно сказал Антон.

– Но откуда, в таком случае, эти разговоры про нижний мир, про стебель, про ключ, наконец? – спросил тот с совершенной серьезностью. – Впрочем, не отвечайте... – он вздохнул. – Если вы собираетесь держать это в тайне, то кто я такой, чтобы вам препятствовать? Я же понимаю, что ваш визит сюда неспроста. Не хотите говорить? Что ж, я к этому готов. Но я заверяю вас, открыться мне в ваших же интересах.

Антон ошеломленно, но со всей возможной в тот момент приветливостью смотрел на него, не упуская из вида эту его здоровенную клюку. Кажется, этот человек все-таки был сумасшедшим.

Впрочем, сейчас его безумие носило чисто разговорный характер, но Антона беспокоило, что в любой момент один из шариков в его голове мог соскочить с траектории и понестись в темные шизофренические дали.

Видя его смятение, руководитель секты склонил голову и поглядел на него долгим укоризненным взглядом, словно инквизитор на упрямствующего в заблуждениях грешника.

– Вы, кажется, принимаете меня за кого-то другого, – осторожно сказал Антон.

– Значит, о легенде вы тоже ничего не знаете? Всю эту историю с ботвой? – неожиданно спросил он.

Он вздрогнул.

– Э-э.. Ботвой?

– Дело в том, что ботва белокровицы – едва ли не более ценный продукт, чем сам корнеплод, – сказал отец Авгий. – Настолько, что у местных жителей есть странная традиция. Когда наступает пора созревания корнеплодов, в одну из лунных ночей жители приходят на поле и срезают листья. Заготовив достаточное количество ботвы, они хранят ее долгое время, используя для разных целей в хозяйстве – добавляют в разные блюда, даже делают самогон, причем довольно качественный. Но львиная доля запасов белокровицы, разумеется, идет зверю.

– Кому? – вздрогнул Антон, думая, что ослышался. – Какому зверю?

– Тому, кто сторожит подземный мир, – произнес человек.

* * *

Здесь, на опушке леса, было чуть попрохладней, чем под открытым солнцем, но все же на мгновение Антон почувствовал, как по коже пробежал мороз.

– Вы, значит, эту историю про зверя не знаете? – спросил его собеседник. – Между тем, в деревне об этом часто болтают. Собственно говоря, живописная легенда, она даже отражена в литературе. Считается, что зверь оказался в пещерах очень давно, с тех пор, когда там обитали волхвы. Где-то на невообразимой глубине, в конце самых дальних пещер находится вход в нижний мир. Это таинственное место охраняет зверь, что питается листьями белокровицы. Как только запасы еды иссякнут, зверь начнет голодать и покинет пещеры в поисках пищи, что грозит катастрофой. Нижний мир останется без охраны и всякая нечисть из него проникнет в верхний мир, то есть к нам с вами...

– Надеюсь, вы не верите в эти ерунду? – напрямую спросил Антон.

– Нет, – признался он. – Но ведь дело не во мне. В подземного зверя верят другие. Ведь жители и вправду собирают белокровицу и относят ее в пещеру. Мои люди частенько там

бывают, и можете мне поверить, что белокровица действительно исчезает из пещеры, словно ее и вправду кто-то ест. Во-вторых, зверь издает звуки, которые часто можно услышать вечером или ночью. Эти звуки идут словно из-под земли, производя очень странное и пугающее впечатление. Их слышат буквально все жители, но немногие в том признаются. Потому что не хотят прослыть сумасшедшими... Вот вы бы признались?

Антон промолчал. Сумасшедший этот сектант или нет, но тут он попал в точку.

– Значит, жители носят ботву в пещеру? Что, каждый день?

– Это делается регулярно, с определенной периодичностью. Чтобы быть точным, листья относят не сами жители, а специально назначенный человек. Там хранятся целые мешки, я и сам их видел.

– Назначенный человек? – повторил Антон, не понимая, издеваются над ним или нет. – То есть народ взаправду считает, что в пещере живет зверь, которого еще и кормить надо? Легенды, сказки всякие – ладно, но в наше время это уже перебор, не думаете? Мало ли с какой целью там лежат какие-то мешки с ботвой?

– С этими мешками связана одна неприятная история. – Отец Авгий тяжело вздохнул. – Собственно говоря, из-за нее я и завел этот разговор. Представьте себе, что много лет жители собирали листья белокровицы просто так. Никакой ценности этот продукт не имел. Поднимались в лунную ночь, шли на поле, срезали ботву, складывали в мешки... В назначенный срок мешки отправлялись в пещеру. Шли годы... Прошла революция. Наступили новые времена, но на поле ничего не изменилось. Жители по-прежнему собирали ботву, которая отправлялась под землю... Но вот наступило другое время.

Он грустно улыбнулся.

– Несколько лет назад один человек узнал, что белокровица имеет ценность для жителей. А узнав, назначил за ботву дань.

– Дань? – не понял Антон. – Деньги? А что, так можно?

– Разумеется, нельзя, это называется рэкет. Но это был преступник, человек жестокий, это его профессия... Так случилось, что я хорошо его знаю... Даже слишком хорошо, – с горечью произнес он. – Этот человек не поверил, разумеется, что подземелье сторожит зверь и так далее. Он вообще в сказки не верил. Он решил, что ботва используется для какой-то другой цели. Поэтому этот человек объявил, что за ботву надо платить. И назначил огромную цену.

– И что потом?

– Выбора не было, поэтому за ботву стали платить.

– И как это практически делается? – спросил Антон. – Они что, в кассу платят?

– Нет, – серьезно сказал отец Авгий. – Существует посредник, который решает эти вопросы.

– А разве нельзя отказать? Обратиться в полицию?

– В противном случае преступник пригрозил уничтожить посеы навсегда. А полиция... что полиция? Вы же понимаете, что здесь все связано. И полиция, и местное руководство имеют с этой аферы свою выгоду.

– И зачем вы мне все это рассказываете? – тупо спросил он.

– Хочу убедить вас, что скрывать от меня ваше задание не имеет смысла, – проговорил тот. – Все слишком очевидно. Вы хорошо подготовлены, но допустили промах. Вы слишком спешите. Только несколько дней здесь, а уже успели побывать на единственном, спрятанном среди кукурузных посевов участке, и взять образцы белокровицы. Пожалуй, слишком оперативно для случайного туриста, нет?

Антон был вынужден признаться себе, что некоторая логика в словах сумасшедшего присутствует.

– Очевидно, на вас напали, чтобы отобрать образцы, – произнес отец Авгий. – Так? Возможно, что наши девушки случайно оказались на месте и помешали преступникам доделать

свое дело... Но я склоняюсь к мысли, что нападение – это намек, предупреждение... – сказал он, не сводя с него взгляда. – Поймите, завтра они вас просто уничтожат. Их методы мне знакомы. Когда-то я был среди них, что скрывать. Вы же все равно узнаете... Кто вы – эксперт, следователь, оперативник какой-нибудь спецслужбы?

Он умоляюще смотрел на Антона, который отчаянно таращил глаза, пытаясь собрать все силы, чтобы объяснить странному человеку, насколько он неправ.

– Бойтесь мне доверять? Это объяснимо... Я же вор, рецидивист, хоть и бывший. Бандит, грабитель, сидел в тюрьме... Коленный сустав мне прострелили менты, за что им большое спасибо. Постепенно приходил в чувство, сидел за книжками, много думал. Это был долгий путь. Но поверьте, сейчас с вами говорит другой человек. А кроме меня, здесь вам мало кто поможет.

Антон устало вздохнул.

– Я бы мог вам подыграть, но кажется, я и так злоупотребил вашим гостеприимством... Спасибо за помощь вам и всем другим... животным.

Он потихоньку двинулся по тропе, надеясь, что тому не придет в голову его преследовать.

– Кстати, напрасно вы решили, что вас ударили по голове, – негромко произнес человек ему вслед. – Голова у вас в порядке. Это вам по шее врезали, в основание черепа. Я это сразу понял, когда осматривал... Точечный удар, как по гвоздику. Чтобы так бить, нужно учиться. Это значит, образованный человек вам намек сделал...

Глава 10. Тайна янтарной пластины

Когда Антон вышел к Собачьему хутору, день клонился к вечеру.

Автомобиль стоял на том самом месте, где он оставил его, бросившись в погоню. Сейчас двор был пуст, и только вывороченные наружу ворота сарая и взрытая земля на месте падения мотоцикла напоминали о недавней битве.

Кроме его «девятки», ни одной машины во дворе не осталось. Куда-то испарился и черный джип, на котором пыталась удрать Графиня, переодевшись в попа. Если бы не Пылесос, гадина уже давала бы показания...

Из распахнутой задней двери «девятки» торчали две ноги в носках.

В своей верхней части носки носили благопристойный белый цвет, но подошвы имели поржелый грибной оттенок. Туфли со стоптанными задниками валялись рядом.

Антон побарабанил по крыше, и ноги пришли в движение. Одна нога интенсивно принялась чесать другую, словно пытаясь привести ту в чувство. Наконец, из недр автомобиля показалось заспанное лицо «борца». Антон вспомнил, что его звали Марк.

Оперативник некоторое время отрешенно разглядывал местность вокруг себя, шурясь на заходящее солнце и шевеля челюстями, очевидно, вспоминая, что он здесь делает.

– Так это я из-за тебя тут сижу, – наконец, высказался сказал он. – Машину твою охраняю, пока Решкин с Евгением тебя по деревням с фонарями ищут. Куда пропал? На телефон не отвечаешь!

– Аккумулятор сел. – Антон кратко изложил события, упустив некоторые детали.

По его версии, он гнался за Павлом Анатольевичем Кожехубой долго и упорно, как австралийский абориген за страусом, пока не свалился от усталости.

Об остальном он решил пока помолчать.

– Говоришь, это Пылесос был? – удивился «борец». – Вот же хитрый жук!.. Так это он, получается, с кассой сбежал?

Антон вытащил из-под ремня пакет, обмотанный скотчем.

– Вот...

– Ух ты, сколько же там? – пробормотал «борец», толстыми пальцами ощупывая пакет. – А ты молодцом, не растерялся... Тут небось деньжищ немеряно. Откроем? Так, одним глазком глянуть.

– А это разве не вещественное доказательство? – осторожно спросил Антон.

Опер тихо засмеялся и похлопал пакетом по колену.

– Формально – нет. Пока не приобщили эту штуковину к делу, она ничья. А раз ничья, значит, кого угодно. Может, и наша...

Сбитый с толку, Антон глянул на «борца», по выражению его лица пытаясь понять, он это всерьез или так, издевается.

Лицо у того было хитрое, и Антону это вовсе не понравилось.

– Допустим, в кукурузе валялась, а ты нашел, – подмигнул опер. – Свидетелей-то не было. Можем поделить на двоих, никто же не узнает.

Антон даже не удивился, что здесь так все запущено. Ему захотелось подыграть из интереса, чтобы посмотреть, как «борец» будет потом выкручиваться.

Для себя он уже все решил. С одной стороны, был соблазн вернуть свои деньги. Те, что у него украли. То были его собственные деньги.

Но эти деньги – совсем другие деньги. Они вообще неизвестно кому принадлежат. Их, может быть, тоже у кого-то украли. И брать их ну вообще нельзя, никак, даже если силой в карман будут заталкивать.

– Ты, это, шевели мозгами быстрее, пока Решкин не появился, – деловито сказал Марк. – Иначе, плакали наши денежки. Решкин же честный, как римский папа! Знаешь, как его у нас зовут? Пешкин, потому что пешком ходит. Двадцать лет в органах! Не может на машину накопить... А где живет, ты бы видел... Драная хрущевка, на кухне мышь повесилась, а на стенах книжные полки, про историю да про философию. Позор для мента, одним словом. У нашего следака – коттедж с бассейном, у начрайотдела – недвижимость на Лазурном берегу. Даже старшина из хозчасти ездит на новой Тойоте, а в гараже стоит БМВ жены. Что говорить о тех, кто наверху сидит – у них по дворцу на каждом из Сейшельских островов...

– И ты это, значит, нормальным считаешь? – спросил Антон.

– Просто в нашем райотделе веками так устроено, – пояснил «борец». – Это вроде экологического баланса. Волки едят овечек, овечки травку и так далее. Вмешиваться в эту систему нельзя, ни-ни. У каждого своя кормушка, иначе – коллапс системы. Решкин у нас вроде динозавра... вымирающий вид из красной книги! Он же не мент, а так, непонятно кто... То статьи исторические в газету пишет. То конкурсы в школах устраивает по изучению родного края. В театральные кружки ходит, спектакли какие-то ставят, что ли. Как Гамлет Шекспира убил. Ну вот скажи мне, нормальный мент станет такой мурой заниматься?

– Почему нет? – вяло возразил Антон. – Шерлок Холмс же на скрипке играл.

– Так то Шерлок Холмс! Воображаемый персонаж... А я настоящий, мне нужно питаться, мне витамины нужны. Чем прикажешь кормиться на территории? Как специалист Решкин, конечно, мастер, – признал он. – Есть чему поучиться. Но какой толк мне от этого мастерства, если на нем ничего не заработаешь? А нам, брат, даже паршивую китайскую кобуру из кожзаменителя приходится самому на рынке покупать. Поэтому в райотделе все крутят бизнес. Такие дела творятся! Ты думаешь, за чьи деньги в райотделе делается ремонт? Бюджет? Как бы не так.

Его лицо приняло заговорщицкий вид.

– Это деньги из общака братвы. Не поверишь! Местные воры на сходке утвердили бюджет на ремонт здания райотдела. По-братски, чтобы помещение привести в порядок. Ну, окна вставить металлопластиковые, паркет в комнате дознавателей, опять же линолеум в обезьяннике, чтобы задержанные в чистоте содержались, стеллажи в комнате вещдоков, ну, по полной программе. Сам начальник райотдела лично договорился с местным смотрящим Хоккеистом – слышал про него? Умора, так? За эти услуги райотдел расплачивается с братвой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.